

ТРИЛОГИЯ
ТЕМНОЙ ЗВЕЗДЫ

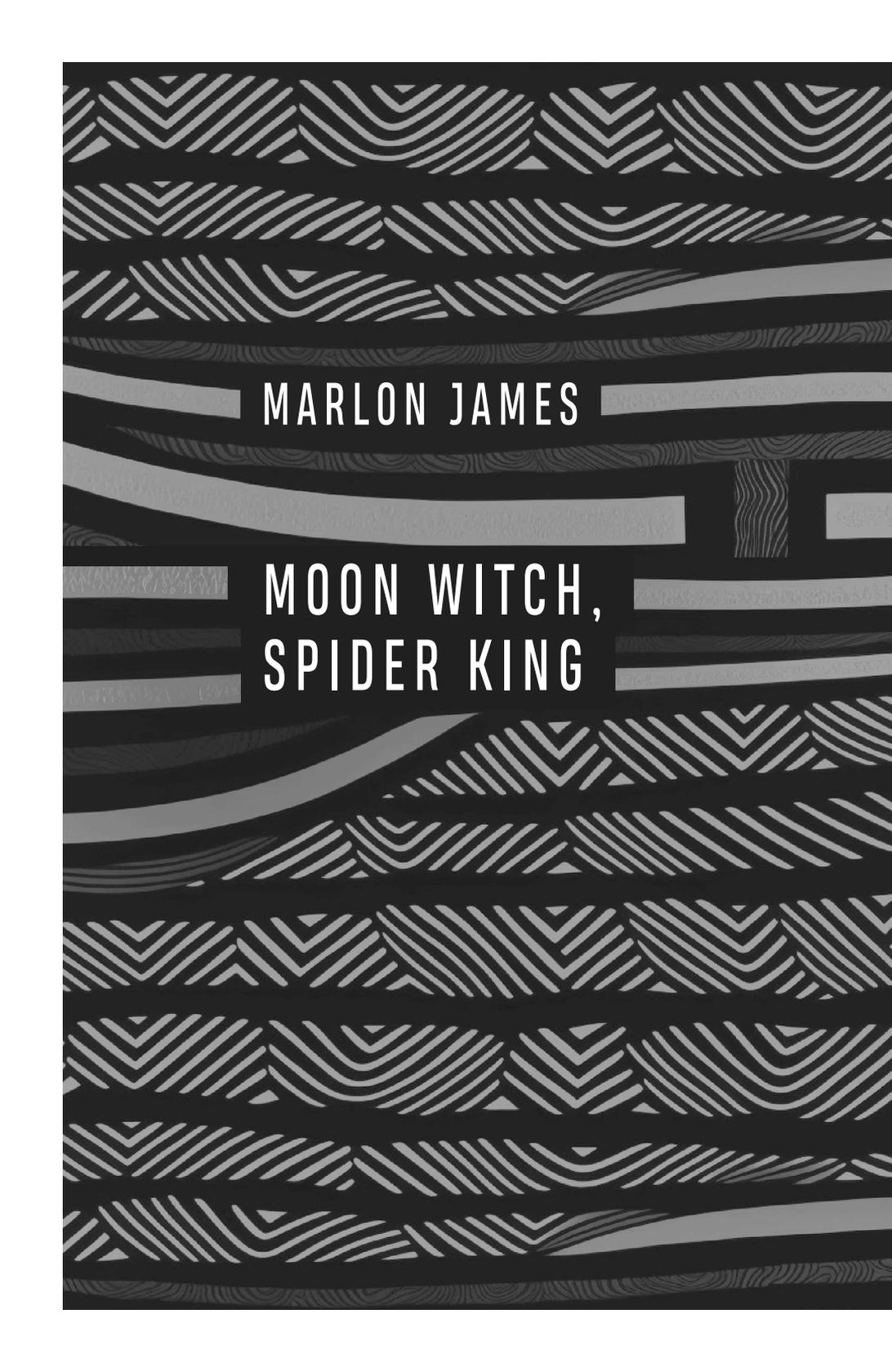

Черный Леопард,
Рыжий Волк

Лунная Ведьма,
Король-Паук

Мальчик
и Темная звезда

MARLON JAMES

MOON WITCH,
SPIDER KING

МАРЛОН ДЖЕЙМС

ЛУННАЯ
ВЕДЬМА,
КОРОЛЬ-
ПАУК

fanzon ♦ МОСКВА ♦ 2023

УДК 821.111-312.9(729.2)
ББК 84(7Яма)-44
Д40

Marlon James

MOON WITCH, SPIDER KING

Copyright © 2022 by Marlon James.

This edition is published by arrangement with Trident Media Group,
LLC and The Van Lear Agency LLC

Иллюстрация на обложке *Елены Куликовой*

Д40 **Джеймс, Марлон.** Лунная Ведьма, Король-Паук / Марлон Джеймс ; [перевод с английского А. Шабрина]. — Москва : Эксмо, 2023. — 768 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-175864-6

В «Черном Леопарде, Рыжем Волке», первом романе «Трилогии Темной звезды», охотник за людьми Следопыт ищет на просторах дикой и древней мифической Африки таинственного пропавшего мальчика. В своих странствиях он сталкивается с достойным противником — Соголон, Лунной Ведьмой. В «Лунной Ведьме, Короле-Пауке» Соголон становится главной героиней и сама повествует о том, что случилось с мальчиком и как в процессе его поисков она плела заговоры и боролась, одерживала победы и терпела поражения. А еще — о своей вековой вражде с Аеси, канцлером, связь которого с королем так сильна, что их воспринимают единым существом — пауком о восьми конечностях...

УДК 821.111-312.9(729.2)
ББК 84(7Яма)-44

ISBN 978-5-04-175864-6

© Шабрин А., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается Ширли

СОДЕРЖАНИЕ

Карты	9
Действующие лица	23
1. ЖЕНЩИНА БЕЗ ИМЕНИ	27
2. ДЕВУШКА, ГОНИМАЯ ОХОТОЙ	325
3. ЛУННАЯ ВЕДЬМА	447
4. ВОЛК И ПТИЦА-МОЛНИЯ.....	599
5. ВМЕСТО ОРИКИ.....	731
От автора.....	766

**КАРТА
СЕВЕРНЫХ
ЗЕМЕЛЬ¹⁴**

- 1. ФАСИСИ
- 2. МАНТА
- 3. ПУРПУРНЫЙ ГОРОД
- 4. ДЖУБА
- 5. КУ
- 6. ГАНГАТОМ
- 7. ЛУАЛА-ЛУАЛА
- 8. КОНГОР
- 9. МИТУ
- 10. МАЛАКАЛ
- 11. ДОЛИНГО
- 12. КАЛИНДАР
- 13. УВАКАДИШУ
- 14. НИГИКИ
- 15. ЛИШ

КАРТА ЮЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ

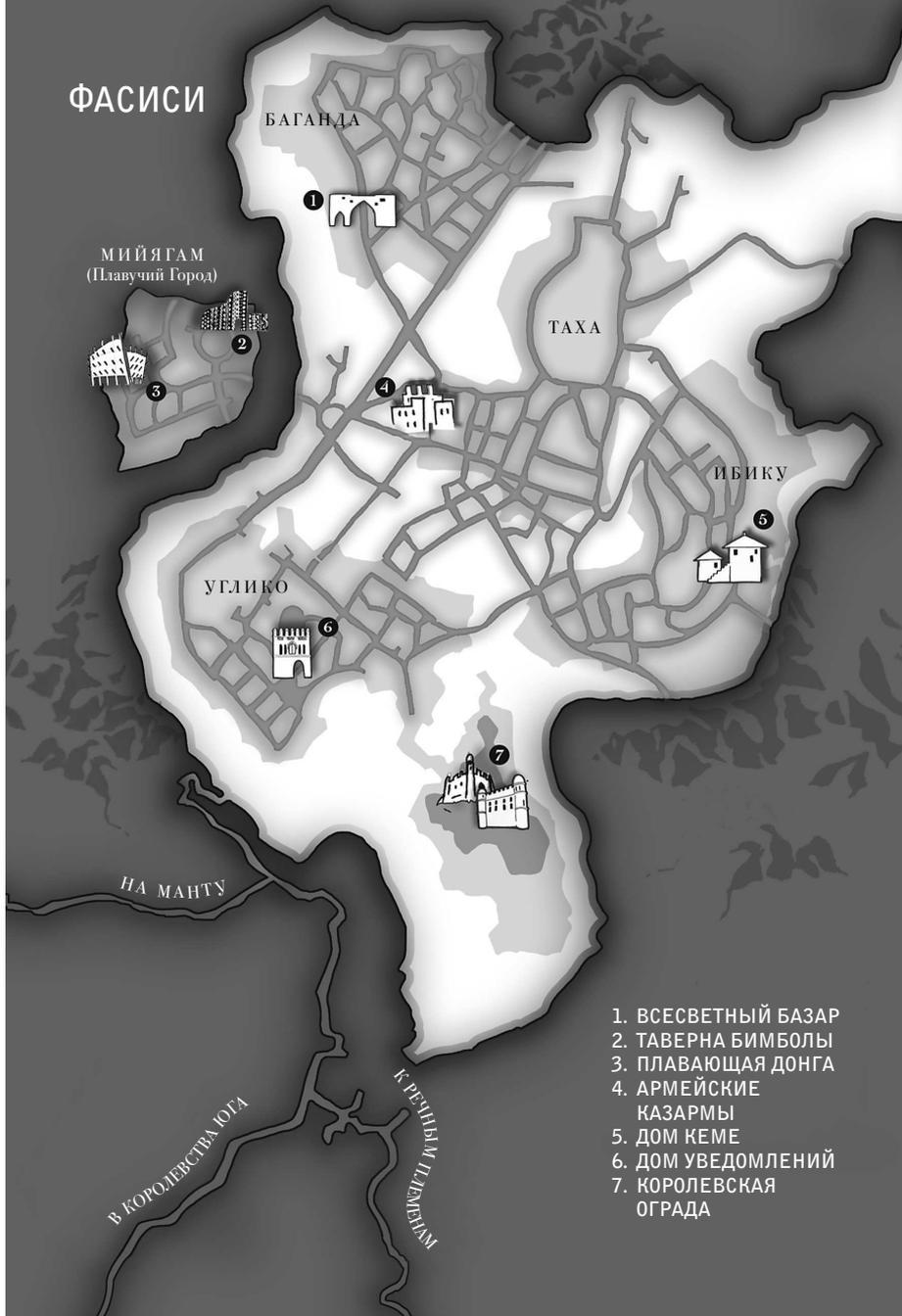
1. УВАКАДИШУ
2. ГО
3. НИГИКИ
4. ЛИШ
5. ЗАТОНУВШИЙ
ГОРОД
6. МАСИ
7. ВЕМЕ-ВИТУ
8. ОМОРО
9. МАРАБАНГА

КОНГОР

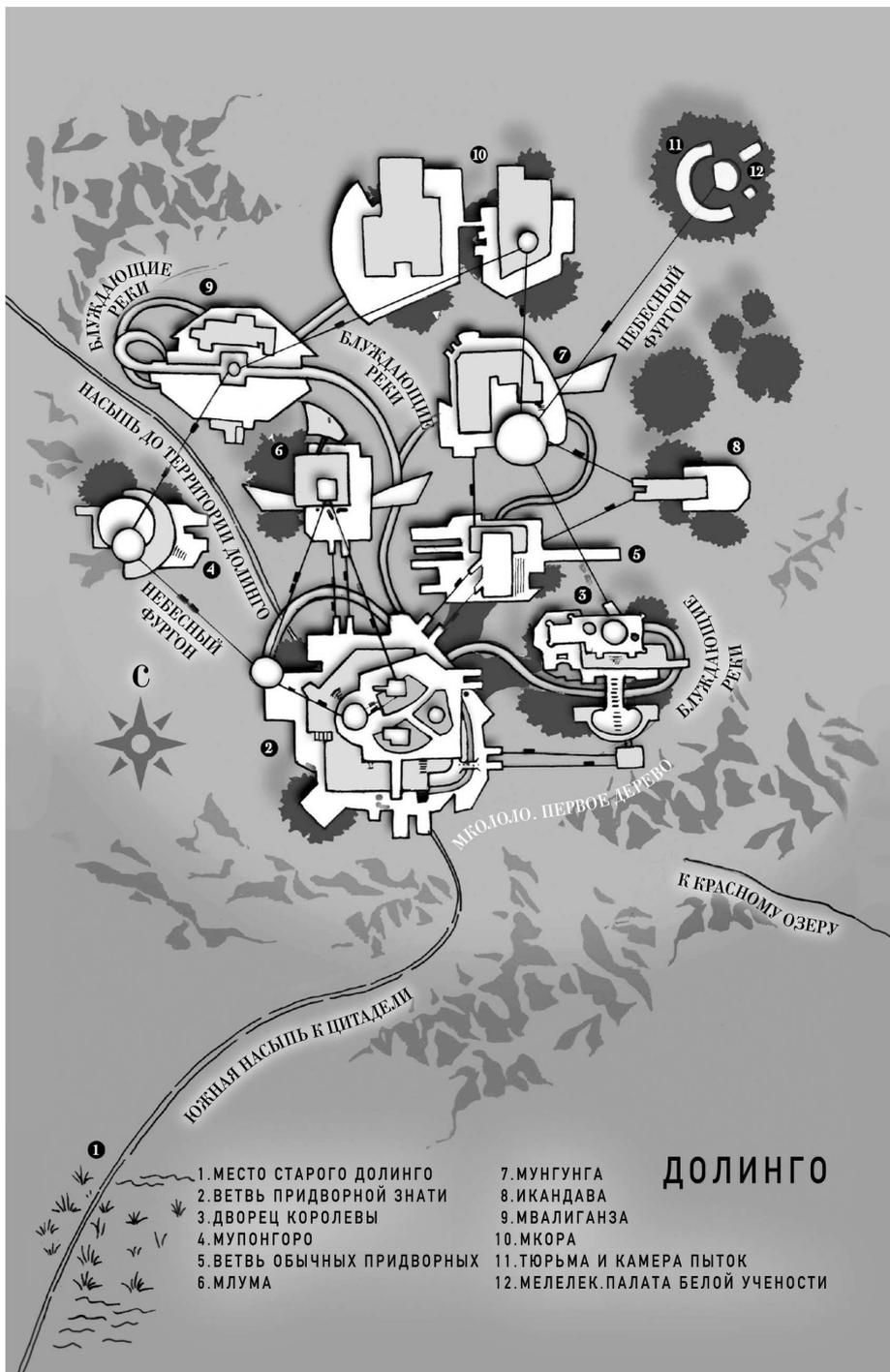
1. ДОМ ТОВАРОВ И УСЛУГ ДЛЯ УДОВОЛЬСТВИЯ МИСС УАДАДА
2. ДОМ БАСУ ФУМАНГУРУ
3. ПЕРЕУЛОК КУПЦОВ БЛАГОВОНИЙ
4. БАШНЯ ЧЕРНОГО ЯСТРЕБА
5. ДОМ СТАРОГО ЛОРДА
6. КОНГОРСКАЯ КОМЕНДАТУРА
7. БОЛЬШАЯ АРХИВНАЯ ПАЛАТА
8. ТОНУЩИЙ СТАРЫЙ ДОМ
9. КАНАЛ НИМБЕ

ФАСИСИ

1. ВСЕСВЕТНЫЙ БАЗАР
2. ТАВЕРНА БИМБОЛЫ
3. ПЛАВАЮЩАЯ ДОНГА
4. АРМЕЙСКИЕ
КАЗАРМЫ
5. ДОМ КЕМЕ
6. ДОМ УВЕДОМЛЕНИЙ
7. КОРОЛЕВСКАЯ
ОГРАДА

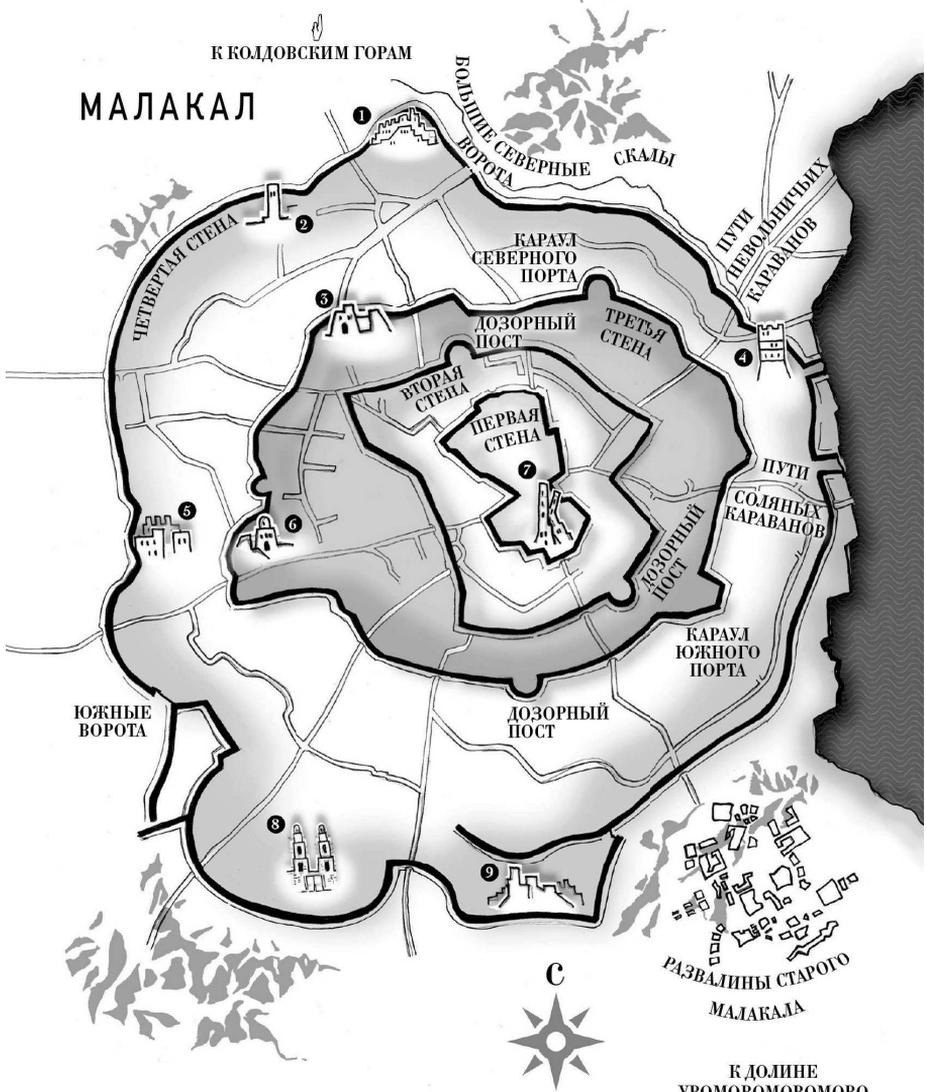
1. МЕСТО СТАРОГО ДОЛИНГО
2. ВЕТЬ ПРИДВОРНОЙ ЗНАТИ
3. ДВОРЕЦ КОРОЛЕВЫ
4. МУПОНГОРО
5. ВЕТЬ ОБЫЧНЫХ ПРИДВОРНЫХ
6. МЛУМА

7. МУНГУНГА
8. ИКАНДАВА
9. МВАЛИГАНЗА
10. МКОРА
11. ТЮРЬМА И КАМЕРА ПЫТОК
12. МЕЛЕЛЕК. ПАЛАТА БЕЛОЙ УЧЕНОСТИ

ДОЛИНГО

МАЛАКАЛ

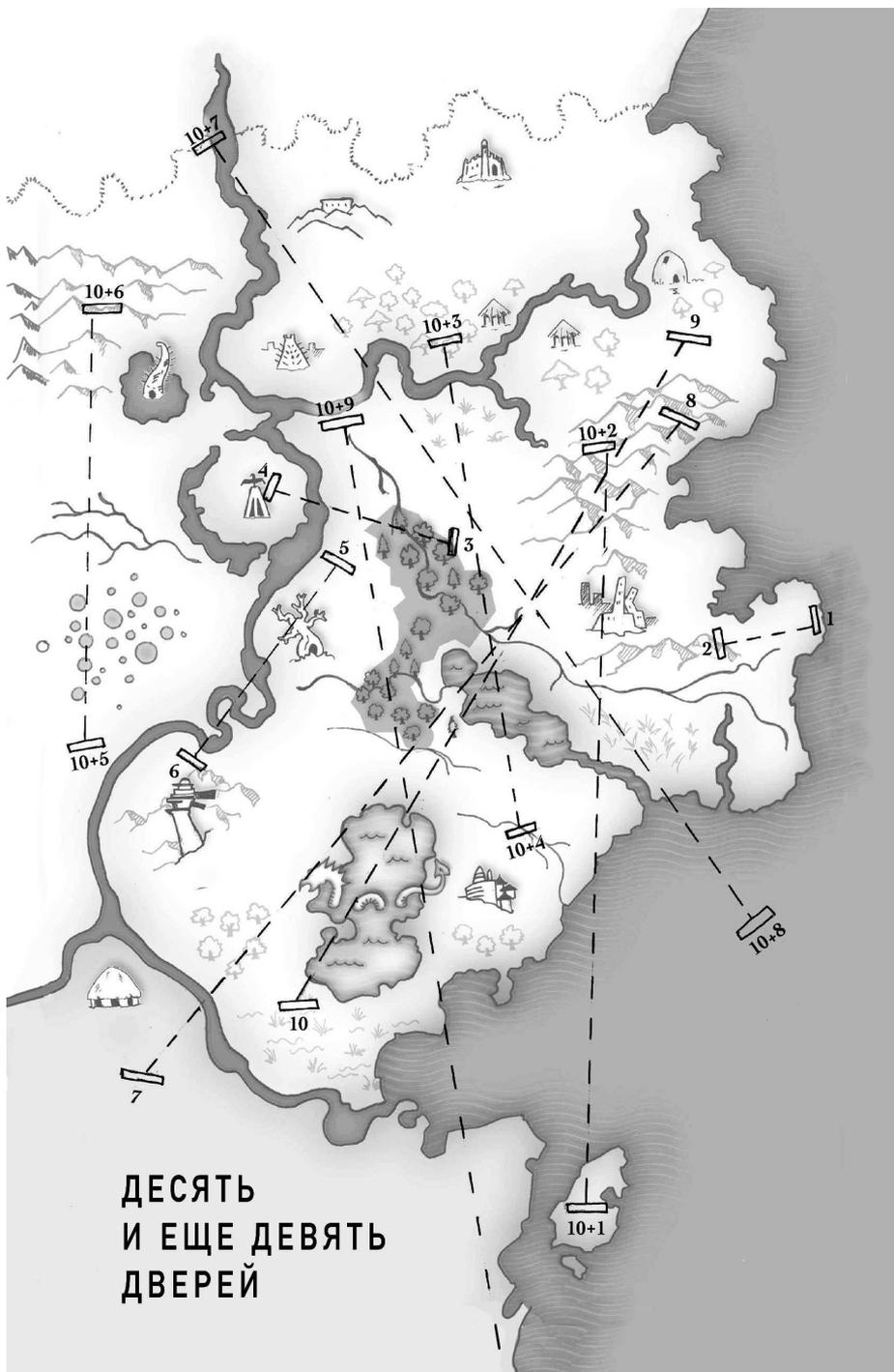
К КОЛДОВСКИМ ГОРАМ

- 1. СЕВЕРНАЯ КРЕПОСТЬ
- 2. ДОМ БЕЗ ДВЕРЕЙ
- 3. ДОМ БЕЛЕКУНА БОЛЬШОГО
- 4. ВОСТОЧНЫЕ ТРУЩОБЫ
- 5. ЗАПАДНАЯ КРЕПОСТЬ

- 6. ГОСТИНИЦА СЛЕДОПЫТА
- 7. РУХНУВШАЯ БАШНЯ
- 8. ЧАСОВНЯ ВИЦЕ-КОРОЛЯ
- 9. ЮЖНАЯ КРЕПОСТЬ

К ДОЛИНЕ
УВОМОВОМОВОМО

ДЕСЯТЬ
И ЕЩЕ ДЕВЯТЬ
ДВЕРЕЙ

В ЭТОМ ПОВЕСТВОВАНИИ УПОМИНАЮТСЯ:

МИТУ И КОНГОР

Соголон, именуемая также Запретной Лилией и Лунной Ведьмой

Ее отец

Старший брат

Средний брат

Младший брат

Женщина-Питон

Мисс Азора — хозяйка дома товаров и услуг для удовольствия

Янья — одна из ее шлюх

Динти — еще одна

Госпожа Комвоно — знатная особа

Господин Комвоно — ее муж

Дама госпожа Моронго — ее сестра

Укундунка — чудовище, привязанное к талисману

Кухарка — известна как Кухарка

Наниль — рабыня

Кеме — королевский разведчик, маршал Красного воинства

Фасиси

Вангечи — жена Басу Фумангуру

Милиту — тоже его жена

Омолузу — демоны-тени, гуляющие по крышам

Мосси Азарский — третий префект Конгорского комендантского
войска

Мэйюанские ведьмы — мерзостные порождения, прозванные
духами грязи

ФАСИСИ

Йетунде — жена Кеме

Кеме — сын

Серва — дочь

Аба — дочь

Лурум — сын

Эхеде — сын

Матиша — дочь

Ндамби — дочь

Берему — лев

Макайя — еще один лев

Статс-дама **госпожа Дунгуру** — придворная королевского дома

Фасиси

Госпожа Каабу — придворная

Лорд Каабу — ее муж, тоже придворный

Сангомины — ученики Сангомы, секты некромантов и охотников
за ведьмами

Кваш Кагар — король всего Севера и отец принца Ликуда,

Дом Акумов

Королева Вуту — его вторая жена

Йелеза — его сестра

Локжи — его сестра

Кваш Моки — сын Кваша Кагара, ранее принц Ликуд

Адуке — его сын-близнец, позднее Кваш Лионго

Абеке — его сын-близнец

Эмини — принцесса, его сестра

Мажози — принц-консорт, ее муж

Кваш Адуваре — сын Лионго

Кваш Нету — сын Адуваре

Кваш Дара — сын Нету

Окъеаме — посланцы-вещатели Короля

Аеси — канцлер при Короле

Алайя — южанин-гриот

Дьябе — наемник-семикрыл

Ому — подруга Кеме

Бимбола — хозяйка таверны в Го

Олу — герой войны, военачальник войска Кагара

Вунакве — фрейлина принцессы

Итулу — фрейлина принцессы

Старшая женщина — заведующая служанками принцессы
Асафа — генерал войска Кагара
Диаманте — еще один генерал
Скала — мертвый старейшина
Канту — берсерк
«Божественное сестринство» — монахини крепости Манта

ЮГ

Бунши/Попеле — речной дух, русалка, оборотень
Нсака Не Вампи — охотница, убивающая на заказ хищников
Осейе — ее сестра
Найка — наемник
Бисимби — кровожадные водные нимфы
Болом — южанин-гриот
Икеде — его правнук, также южанин-гриот
Юмбо — лесные феи, хранительницы детей
Чипфаламбула — громадная рыба

МАНТА

Летабо — монахиня
Лиссисоло — сестра Кваша Дары
Нинки-Нанка — речной дракон Принц Миту (так утверждается)
Басу Фумангуру — старейшина Северного Королевства
Настоятельница — старшая монахиня «Божественного сестринства»

ДОЛИНГО

Якву — тактик Южного Короля (умерший)
Женщина Нымним — мастерица целительной и восстановительной магии
Королева Долинго (так утверждается)
Ее Канцлер
Белые Ученики — наичернейшие из черных магов и алхимиков

Импундулу — вампир в облике птицы-молнии¹

Ишологу — Импундулу без хозяина

Сасабонсам — крылатый пожиратель человеческой плоти

Адзе — вампир и клопный рой

Элоко — травяной тролль и людоед

Мальчик — безымянный сын Лиссисоло

МАЛАКАЛ, ЗАТЕМ КОНГОР

Семикрылы — наемники

Сад-О'го — очень высокий человек, но не великан

Амаду — работарговец

Биби — его прислужник

Следопыт — охотник, ни под каким именем более неизвестный

Леопард — оборотень-охотник, известный под несколькими другими именами

Фумели — ушлый оруженосец Леопарда

Бултунджи — оборотни, гиены-мстительницы

Зогбану — тролли, изначально вышедшие из Кровавого Болота

Венин — девушка, выращенная на корм Зогбану

¹ В африканской мифологии импундулу (молния) принимает образ черно-белой птицы размером с человека, которая крыльями и когтями вызывает сверкающий разряд и гром. Этот вампир с ненасытным аппетитом к крови часто служит ведьмам или водит с ними знакомство и нападает на их врагов.

1

ЖЕНЩИНА БЕЗ ИМЕНИ

K'hwi mahwin

ОДИН

Как-то ночью блуждал я в джунглях сна. Не сна, а как бы памяти, что прорастает сквозь сон и властно им завладевает. В памяти того сна была девочка. Вижу, значит, девочку, жилище ее — старый термитник. Трое ее братьев из большой хижины рассказывают, что термитник похож на гниущее сердце великана, только перевернутое, но девочка того не знает. Она прижимается губами к его полому чреву, к стенам из сухой красной грязи, шершавым на ощупь. Окон там нет, если не считать таковыми дыры, а если считать, тогда их множество, и они торчат где ни попадя, и от них тело полозуют жгуты света — вверх, вниз, наискось, — а с ним змеится жара и скапливается, давая отростки из ветра, сочащиеся по всей этой каверне. Термиты из этого места давно убралась. Здесь никто бы и собаку держать не стал, а эту девчонку, гляди-ка, держат.

Ноги у нее удлиняются, но по-прежнему как две палки; голова растет, но грудь всё так же плоская, как земля; кажется, вот-вот — и по возрасту она уже выйдет наружу, только никто не озабочен подсчетом ее лет. Хотя отмечают каждое лето, метят гневом и горем. Они, то есть ее братья, вот так отмечают, стало быть, ее рождение, да. В эту пору находит на них тучей хмарь и злобность лютая — по ее, стало быть, вине.

И вот она сидит — губы сжаты твердо, аж добела, прямо как костяшки ее стиснутых кулаков, а на лице решимость под стать думам. Мол, всё, решено, она сбежит, выползет из этой дыры и рванет так, что не сдержать и не угнаться. Будет бежать без конца, отпадут ступни — побежит на щиколотках, отпадут щиколотки — будет бежать на коленях, а сотрутся колени, так

и ползком, но бежать, нестись, мчаться. Так, наверно, бежит младенец к матери — к мертвой матери, не прожившей достаточно, чтобы дать имя дочери.

При утлом свете, сочащемся и выходящем через дыры, она может считать дни. По запаху коровьего навоза она может сказать, что один брат сейчас возделывает землю и сажает зерно, а значит, сейчас либо арб, либо гидада¹, девятый или десятый день луны в Камсе². Оглядевшись, она видит большой лист, на который вчера вечером сыпанули горку каши — один из двух раз в лунную четверть, когда ей дают поесть. Припоминают. Большую часть времени ее просто бросают голодать; так, разок-другой вспомнят среди ночи, да и отмахнутся — всё равно уж поздно, может, какой дух насытит ее во сне.

Вот она, эта девочка, вбирает все в себя и слышит. Через перебранку братьев о том, когда сажать просо, а когда давать земле передых, она учится различать времена года. Дни дождей и засухи рассказывают ей всё остальное. Иной раз ее просто вытягивают из термитника на притороченной к ошейнику веревке, приматывают к сохе и волочат по полю, крича, чтобы она руками вспахивала коровье, козье, свиное и оленье дерьмо. Вгрызайся в грязь да смешивай тщательней, чтобы выросла та самая еда, которой ты не заслуживаешь! Стигматы вины с рождения на спине твоей, и перед тремя своими братьями ты в вечном, неоплатном долгу.

Вот они, те ребятки, ее братья. Двое большевиков хохочут, а младший взволнованно орет. Старшие стоят в чем мать родила; из одежды лишь желто-красно-синие наколенники и налокотники из соломы, да еще щитки на кистях рук. На головах шлемы вроде соломенных клеток, желтые с зеленым. Девочка вылезает из своей печи, чтобы за ними понаблюдать. Старший из братьев крутит палку, длиннющую. Крутит-вертит и при этом подпрыгивает как в танце. Затем начинает кружиться, подскакивает и вдруг замахивается палкой прямо на шею среднего брата.

— Выблядок! — запальчиво выкрикивает тот.

¹ Лунно-звездный календарь, где нет недель, но есть названия каждого дня месяца; принят в ряде африканских стран.

² Звездная группа Плеяд.

— Мы от одной матери, — смеется в ответ старший.

Он хочет увернуться, но не успевает, и по его левому плечу хлопает палка. Старший запоздало отпрыгивает и снова смеется, даром что рана кровоточит. Ну что, пора и посчитаться. Старший перехватывает свою палку обеими руками, как топор, и накидывается на среднего, осыпая его ударами. Тому еще удастся шлепнуть старшего пару раз в ответ, но по сноровке он сильно уступает и принимает удар за ударом — по груди, по спине, по рукам. Шлеп, шлеп, шлеп! Вот уже и кровавая ссадина на левой руке, и взбухает разбитая нижняя губа.

— Это всего лишь игра, братец, — кривится в улыбке средний, отплевываясь кровью.

Рядом возится младший, тщетно пытаясь водрузить на свою небольшую голову непомерно большой шлем.

— Я вас обоих победю, — пыхтит он.

— Гляньте на него, — усмехается старший. — Ты хоть знаешь, зачем мы это делаем, соплезвон?

— Я ж не дурачок. Вы хотите побеждать в бою на палках и убивать дураков, которые против вас.

Братья смотрят на него как на чужака, затесавшегося между ними.

— Нет, братишка. Ты и вправду слишком мал.

— Я тоже хочу играть!

Старший поворачивается к нему:

— Ты хоть знаешь, что такое донга?¹ Для чего, по-твоему, эти палки?

— Ты, верно, глухой? Я же говорю, чтоб драться и убивать!

— Дурень ты мелкий. Это вот *первая* палка. А когда ты выигрываешь с ней донгу, ты можешь использовать свою *вторую* палку. Спроси у любой пригожей девчонки, которая ходит смотреть бои.

Он лукаво смотрит на среднего брата, который в ответ склбится. Младший братец растерян:

— Но в бою-то у вас только по одной палке.

— Что я говорил? Он совсем еще соплезвон.

Средний указывает на закорючку младшего, что ниже пупа.

— У нашего меньшого вместо палки лишь сучок.

¹ Д о н г а — ритуальные бои на палках; часть обряда инициации юношей.

Смех братьев длится столько, что на лице младшего прорастает злость; не потому, что он ничего не понял, а скорее, наоборот. Ну а девочка знай себе смотрит, как он хватается палку, как делает замах и с силой ударяет среднего поперек спины. Тот взвизгивает, а старший рывком оборачивается и припечатывает младшего по лбу, и тут же по ямкам за коленями. Младший падает, а старший продолжает его лупцевать. Малец вопит, и средний хватается старшего за руку. Они уходят, оставляя его пускать нюни в грязи. Но вскоре, почуяв, что на него никто не смотрит, он обрывает ор и бежит вслед за ними. Девочка окончательно вылезает из своей хибары и берет оставленную палку. На ощупь она крепче и тверже, чем казалось, а еще намного длинней. Примерно втрое выше, чем она сама. Взмахнув, девочка лупит ею по земле, вздымая облако сыпучей пыли.

— Мы ждали, пока мать издаст четыре вопля. Ждали всеми своими ушами, — рассказывает ей старший брат. День прошел, но ночь еще не наступила, и он дважды дергает за веревку, чтобы девчонка вылезла. В основном он вытягивает ее просто без предупреждения, и наружу она является слегка придушенной, силло кашляя. Пальмовое вино кружит ему голову, и его тянет на разговоры, даже без всяких слушателей. Он дергает ее за ошейник, притягивая к себе, словно упрямую ослицу, и тем не менее это единственное время, когда ее подпускают ближе к дому. Тогда в девочке оживает смутное воспоминание о том, как отец поднимает ее и улыбается, но его улыбка быстро тускнеет, а руки коснеют и слабеют, и, повисев какое-то мгновение в воздухе, она шлепается в грязь.

— Мы ждали, пока мать прокричит четыре раза, — говорит он, — потому что четыре раза означает, что родился мальчик, а три — что девочка.

Но мать не прокричала.

Старший брат излагает историю, но пальмовое вино делает его рассказ нестройным.

— Видела бы ты отца! Видела бы его гордость, когда живот матери пришел в движение, словно задавая путь. Тройка сыновей скоро пополнится еще одним, четвертым, а если это дочь,

то он сможет выдать ее замуж, если разбогатеет, или продать, если жизнь станет туга. Братья, наблюдающие за отцом, выгадывают, когда родится ребенок, после того как роженица ушла его донашивать в лачугу своей матери. Мы все ждем вести о мальчике, но в особенности ждет младший брат, потому что он наконец сможет стать над кем-то старшим и уподобится братьям, что старше его. Ждет вестей и отец, теперь уже спокойно, потому что успел внять словам своей жены: «Мужу мелкий дом иметь негоже». Он его разрастил: снес стенку в амбаре и увеличил комнату для двух старших мальчиков; пристроил еще одну комнату для младшего и того, который народится, и еще одну, где занималась бы своим рукоделием мать, самая прекрасная из женщин. Потом еще комнату для бабки, которую он терпеть не может, но не оставлять же ее одну.

Мы ждем, когда мать издаст четыре вопля, но их всё нет, нет даже трех. Мы идем к бабке. А она нам говорит: «Младенец вышел вперед ногами, с пуповиной вокруг шеи. У матери пошла кровь, и шла, и шла, пока не вытекла вся; тогда глаза моей дочери побелели, и она изошла. *«Ko oroji adekwi ebila afigwi»*, — ворчит бабка, которой пока не до отдыха. Мелкая ты бесовка, матереубийца, ты как бельмо, от которого слепнет весь глаз.

Глянь, какие проклятия ты накликаешь на этот дом! Отец мой одно утро плакал, другое плясал, затем ночами стал вопить предкам об их коварных забавах. Говорит, надо звать колдуна. Мы таскаем амулеты, взываем к богам грома и безопасных странствий, не едим ни жирного, ни бобов, ни мяса, убитого стрелой, так за что ж боги шлют нам такие испытания? Она радуется животу своему, радуется мужу, а мы не возлежим друг с другом шесть лун, так за что же боги насылают на нас несчастья? За что беды такие, когда мы совершаем возлияния и воздаем хвалу богине рек, что управляет водой в утробе матери? Никто не зовет его умалишенным, пока однажды мы не застаем, как он свернулся калачиком вниз головой, колени к груди, и мочится себе в рот. После этого мы называем его безумным. На третий день за рождением проходит обряд наречения, но никто к нам не приходит и не уходит. Никто не смеет наречь тебя по имени, ибо ты — проклятие, а единственно, что бывает хуже, чем породить проклятие, — это его назвать, потому что всякий раз, как произ-

носишь это имя, навлекаешь горе. Так что нет тебе имени. И вот что еще, мелкая бесовка: никто не плюет тебе в рот крокодильим перцем, чтобы ты не стала позорной женщиной, и никто не делает тебе железное ожерелье, чтобы отсечь тебя от мира духов.

Вот новая ночь. Маленькая девочка вдруг чувствует натяжение веревки на шее. Тяга превращается в рывок, прямо из термитника — настолько резкий и сильный, что девочку буквально выбрасывает через тесный вход, и он превращается в большую дыру. Дерг, дерг, по сухой корке грязи и куриному дерьму, едва не ломая шею, пока девочка со сдавленным хрипом не хватается за свой ошейник, и вдруг видит, что ее кто-то подтаскивает все ближе и ближе к дому. Она дико озирается в попытке увидеть, кто именно ее тянет — вроде бы никто, только слышен вкрадчивый шорох скольжения по земле. Хотя нет: к веревке хвостом прицепился большущий желтоватый питон и скользит к дому, не зная, что тащит за собой маленькую узницу. Девочку охватывает страх при мысли о том, что он может сделать, когда доберется до ее спящих в доме братьев. Но ни крика, ни стона, ни плача не срывается с ее губ.

Однако затем хвост питона выскользывает из веревки. Впрочем, нет, не выскользывает: всё это различимо в темноте. Он просто становится меньше и меньше, как будто змея сама себя всасывает. Хвост уменьшается, а она при этом становится все шире и больше, будто кокон, под оболочкой которого происходит какое-то шевеление. Пятна змеиного узора сжимаются и растягиваются, ворочается и перекачивается погрузневшая туша, на которой кожу вдруг прорывают изнутри две невесть откуда взявшиеся руки. Из этого кожаного мешка выпрастывается и гибко встает нагая женщина. Не оглядываясь, она направляется к дому и огибает его сбоку. Девочка крадется сзади в нескольких шагах и видит, как женщина-питон ловко забирается в окно среднего брата. Сидя в пыли и темени, девочка вслушивается в тишину. Вот из комнаты брата доносится крик. Он всё громче и неистовей. Девочка вскакивает на ноги и подбегает к окну, но оно для нее чересчур высоко, и она ищет в темноте, на что бы можно встать; подворачивается только деревянный чурбан, и девочка подкатывает его к окну. Внутри комната освещена тусклым масляным светильником. На полу лежит брат, а сверху его оседлала женщина-питон.

Она подскакивает вверх-вниз, словно в попытке его укротить, а брат под ней дергается и корчится как от побоев. Он кричит, чтобы она его прикончила, что ему уже не вмоготу, проще умереть, и, дрыгнувшись, обессиленно замирает. Затем его пробивают рыдания, которые женщину-питона нисколько не трогают. Она сидит и молчит.

— Хоть бы кто-то еще сюда наведывался, кроме этой шлюхи-ведьмы! — тихо стенает он.

— Я не шлюха и не ведьма, — отзывается она. — А ты проклят. Ты и твои братья, твой безумный отец и мертвая мать. Прокляты так, что, кроме шлюх, вблизи вас никто и не ходит.

Женщина-питон смолкает, а затем говорит:

— Ты должен убить девчонку.

— Пробовал уже, да она вернулась, — отвечает брат.

Девочка чуть не падает со своей приступки.

— Через четыре дня после того, как она довела моего отца до безумия, а мать отправила в потусторонний мир, мы с братьями бросили ее в чащобе кустарника, чтобы она оттуда не выбралась. Но ты не поверишь: эта негодница отыскала дорогу домой! Она, которая еще даже не ползает! Люди в деревне говорят, что юмбо, лесные феи, подкармливают ее нектаром и толчеными орехами, называют ее «маленькой волшебницей». Из-за нее вся деревня нас сторонится, винит нас, когда засуха или неурожай. Послушайте, говорю я им: приходите и забирайте ее, если она вам нужна. Мне все равно, что вы с ней делаете. Но никто не приходит. Мы сами кое-как перебиваемся на еде, что нам оставляют из милости до нового урожая, иначе нам не протянуть. Девчонка — вот причина, по которой люди нас избегают. Она виной, что у меня не будет никакой жены, кроме тебя.

— Я тебе не жена, — бросает женщина-питон.

Приходят и уходят луны, складываясь в годы. Девочка теперь подросла, и волосы ее висят грязными комьями, которые она отрывает с возгласами, которые иной раз сбивают братьев с толку — настолько они похожи на голос матери. Она изучает повадки больших людей, так что ни одно брошенное слово не проскальзывает мимо без толку. Младший то и дело пытается

дать ей затрещину, но она перехватывает его руку и не остается в долгу. Песням ее никто не учит, и она придумывает свои собственные, а еще начинает видеть небо за концом своей веревки. Живет она все так же в термитнике, и по-прежнему вспахивает грязь с козьем дерьмом, а на угощение получает хлыста, и младший всё так же норовит пинком сшибить ее на землю, топнуть по спине и затолкать поглубже в грязь. «Чтобы убить нашу мать, ты должна была хотя бы родиться мальчишкой», — попрекает он. Она чувствует, как движется сквозь множество лун и лет, а братья всё так и застыли в дне, когда она родилась; в дне, когда умерла мать.

Всякий раз, когда двое старших отправляются на восток, потому как, по их словам, в своей деревне ни одна женщина их не примет, младший заявляется к ней. По его лицу видно, что он весь день измышлял зловредства.

— Моим братьям повезло, что они до смерти матери прошли обряд, — говорит он. — Они хоть стали мужчинами. А мою удачу ты забираешь всю как есть. Ни один старейшина не сделает мне обрезания, не посвятит в мужчины, ибо все мы прокляты.

Восемь суток он что ни день втаптывает ее в землю, а на девятый так и в терновый куст.

Она знает, почему ее ненавидят, ведь они каждый вечер говорят об этом. «Мелкая бесовка, матереубийца, когда мама перестанет там рыдать?» — вопрошают они. Когда прекратит она вопить в потустороннем мире о маленькой дьяволице, которая режет и жжет ее через ку, убивая из раза в раз? Девочка прислушивается к воплям своей матери из страны мертвых, но оттуда ничего не доносится. Только тишина. И она молчит, когда ее избивают за то, что она просит чуть побольше пищи, в которой бы чуть поменьше гнили. Молчит, когда ей говорят: «Не заставляй нас отправляться в потусторонний мир и молить его хозяина забрать тебя и вернуть нашу мать». Она молчит, потому что знает: они это уже делали. Так однажды вечером признался средний брат женщине-питону.

Три брата, и все, как один, злыдни. От плети старшего у нее на лице две отметины. Средний морит ее голодом, говоря, что раз она вроде женщина, то пусть сама себя и кормит. Но младший, он хуже всех, потому что никто не устраивает ему обряд с обре-

занием, чтобы сделать мужчиной, а всё из-за нее. «Я убью тебя раньше, чем ты станешь женщиной», — грозитя он ей. А еще говорит: «Вот я возьму нож и сам надрежу твою ку, чтоб ни одна женщина не посмела об тебя оскверниться. С надрезанной щелкой ты ни мальчик, ни девочка. Ты чудовище».

Девочка всякий раз истолковывает это по-своему. В первый раз названная чудовищем, она расцарапывает себе до крови кожу, злясь, что не может найти чешую, которую можно было бы соскрести. Грызет себе ногти, чтобы они не стали когтями. С появлением зуда между глаз она спохватывается, что у нее растет третий. Или что она обрастает черными космами как токолоше¹, демон с густой волосяной порослью, который, по словам старшего брата, непременно на нее нападет во время сна. Однажды, высунув голову из термитника, она замечает проходящую мимо дома женщину, которая сварливо высмеивает братьев за их убогий уклад и жестокую бедность: «Кто-то, верно, наложил на вас еще одно проклятие поверх давешнего». Может, она и вправду чудовище? Мелкая бесовка. Матерубийца. Не зря ведь женщина-питон сказала, что она возросла без грудного молока — вон и титочки совсем не растут. Видя с ходом лет, как злые люди используют это слово, девочка приходит к мысли, что она если и не чудовище, то все равно проклятие, которое породила мать. «Выродок», — как говорит средний брат. Девочка оглаживает себя руками, чувствуя, как жестко выпирает из-под кожи каждая кость, особенно на бедрах, где они самые большие и противные, так что уродство переползает из того, чего она боится, в то, что она знает.

Да и братья тоже хороши — лгун на лгуне, гляньте на них. Вот средний ворует у старшего выигранное в донге ожерелье, а сам нашептывает, что это дело рук младшенького. А через две ночи в этом самом ожерелье от дома уползает здоровенный питон. Старший брат задает трепку младшему, а от того перепадает девочке, но ему этого мало. Младший подсыпает отраву в ручей, откуда всегда пьет женщина-питон, и на нее нападает такая дурнота, что с дыханием ветра является вестник

¹ Токолоше (или хили) — водяной дух, похожий на карлика, в мифологии зулу. Считается озорным и злым духом, который может стать невидимым, если напьется воды. Злые ведьмы, колдуны и люди призывают токолоше делать гадости другим.

смерти. Средний брат испуганно кричит: «Кто эта несчастная незнакомка?» — потому как не может поведать никому, даже своим братьям, что каждую ночь предается порочным утехам, а еще разбивает яйца, которые женщина иногда откладывает в высокой траве возле речного русла. Старший же всегда, когда во хмелю под пальмовым вином, хвастает о каком-нибудь мужчине, которого убил, и о женщине, которую поимел — или же о мужчине, которого отымел, и женщине, которую убил. Проходят луны и годы, прежде чем девочка осознает: ничто из того, что исходит из уст этих братьев, не может сойти за правду, даже если они твердят, что вода мокра, а огонь горяч.

Что ж, решено. Две и еще десять лун назад она принимает решение. К ее ошейнику привязана веревка — достаточно длинная, чтобы она покидала термитник и перемещалась по двору до забора мимо чахлой травы, свиней, кур, мышей и любой другой живности, обитающей в загоне. Так вот, две и еще десять лун назад на каждом рассвете девочка начинает разгрызать у себя на шее веревку, конца которой под шеей не видно, потому как никто из братьев не хочет видеть сестру вблизи. Понемногу, раз за разом по малому кусочку, она жует ее и сплевывает, стачивая зубами. Потом она делает вид, что по-прежнему привязана, и даже морщится, как будто ей невозможно, что ее так сильно тянут. Близится пора посева, и уже скоро придут братья, понукая:

— А ну, грязная бесовка, давай паши!

Ну уж нет. Пришло время побега.

В день, который она наметила, горизонт обкладывает мглистый сумрак, и солнце в вышине теряет свою лучезарность. Становится темно как перед ночью. Ошейник всё еще на шее девочки. Но она выбирается из термитника, обвинившись длинной веревкой как змеей, что набросилась и душит. Обманчивое солнце как будто закатилось, хотя оно по-прежнему висит в зените, где-то возле полуденной черты, а вокруг его черной сердцевины ярится косматое, нестерпимо яркое кольцо. Девочка смотрит на него не отрываясь, а когда пробует бежать, глаза ее ослеплены светом. Яркий, бледный и мертвенный, он заполняет воздух и отсвечивает от грязи. Всё вокруг сливается, плавясь в белое. Слышно заполошное кудахтанье кур, девочка вслепую распинывает их с пути, спеша к воротам — и утыкается в жесткую грудь.

Голос младшего брата:

— Ты, уродина, часом, не ослепла? Куда это ты со двора?

Он сначала думает, что она просто выбегает порезвиться со свиньями — единственными тварями, более грязными, чем она сама, — но тут взгляд падает на веревку, обмотанную вокруг нее. — Ах ты срань! — хватает он ее за волосы.

От боли девочка невольно вскрикивает, но противится своим слезам. Она кричит и брыкается, как загнанное животное, а он орет в ответ, лихорадочно ища конец веревки, чтобы раскрутить ее, как веретено. В этот миг девочка метко пинает его в голень, и он ее выпускает. При этом он не сводит с нее безмолвно-свирепого взгляда. Отбросив серповидный тесак, младший брат срывает со своей гандуры¹ кожаный ремешок, думая отхлестать ослушницу. При этом он склбится так, что его лицо напоминает разрезанную наискось тыкву. Она хватается за одну из вещиц, которые при ней, и в тот момент, когда брат коршуном набрасывается на нее, она швыряет ему в лицо округлый козий пузырь с ее мочой застарелой давности, смешанной с пылью из молотых камешков, которые царапают, когда пытаешься тереть глаза. Младший брат издает вопль, зажмурив вмиг опухшие глаза.

— Ты меня ослепила, мразь! — визжит он, закашливаясь от огненной мочи, попавшей ему в рот. Девочка снова рвется бежать, но в суматохе брат успевает схватиться за веревку и теперь тянет, тянет к себе торопливыми рывками. Веревка разматывается, но девочка чувствует, что ее всё равно неумолимо тянет к нему, и этого не остановить, даже если зарываться пятками в грязь, куриное дерьмо и свиное дерьмо. — Ах ты мелкая тварь, — злорадно, нараспев произносит он, — я всегда беру свое. Возьму и сейчас, а потом тебя убью. На братцев не надейся, они меня не остановят.

Вот как. Страх в ней замирает. Братья если и явятся, то не затем, чтобы спасти ее, а только чтобы его пожурить. Всё равно что видеть, как ты вот-вот наступишь на колючку, и предупредить об этом колючку. Брат, всё еще слепой, продолжает тянуть веревку, каждый рывок на одну длину руки. Девочка не упорствует, но попутно подхватывает с земли тесак.

¹ Гандура — полотняная африканская туника.

— Чувствую, уже недалеко! — победно кричит младший.

Она действительно недалеко, стягивающая талию веревка вращает ее как веретено. Они неумолимо сближаются, и братец уже чует исходящую от нее вонь свиного дерьма. И тут девочка изо всех сил замахивается и делает рубящий удар.

— А-а-а! Она отсекла мне руку! Сучка! Мелкая потаскуха! — надрывно стенает младший брат, с проклятиями разыскивая свою руку. Девочка наконец-то бежит. Позади нее змеей танцует веревка с рукой брата, по-прежнему ее сжимающей.

А затем еще больше яростного солнца, опаляющего кожу и слепящего глаза, и тропа шириной в две колесницы, и ноги, онемелые от нескончаемо долгой ходьбы. С перебежками от сарая к сараю, от тропки к тропке, от куста к кусту и от дерева к дереву, пока девочка наконец не оказывается в лесу, где можно спрятаться от братьев, которые наверняка будут ее искать и просить об этом других. Четыре дня от обретения прибежища, и еще больше дней без еды, и еще одна луна до того, как она свалится без чувств.

Девочка способна чувствовать сон, хотя сновидений в нем нет, а когда пробуждается, то ощущает движение, хотя ее ноги остаются неподвижны.

— Веревка была такой тугой, что душила тебя, как змея, — произносит хриловатый голос, явно женщины, склонившейся над ней. — Где твоя мать? — спрашивает она, и девочка крупно вздрагивает, как будто колыхание воздуха выводит ее из забытья. Еще один день, и из сна ее вытряхивает колыхание повозки. Женщина спрашивает: — Куда ты собиралась, девонька?

Но у девочки ответа нет.

— Ладно, не важно, — вздыхает женщина.

Они едут в Конгор.

Вот она, та девочка. Женщина с повозки живет в доме на улице, где всё синее — и дом с двумя этажами и двумя лестницами, и десять женщин внутри. «Женщины с колдовскими ку» — как их называют мужчины. Женщина с повозки, именующая себя мисс Азора, кличет их своими шлюхами, из отсутствия привычки прятаться за красивыми словами.

— Зачем было тащить сюда еще одну деваху? — спрашивает одна из женщин, которая за семь дней, прошедших с поступления девочки, так ни разу и не оделась.

— Верное дело не терпит спешки, — произносит мисс Азора, глядя на нее так, будто сама удивляется, зачем, в самом деле, было подбирать лишний груз.

— Это самое местечко ей скоро предстоит заполнить.

— Я с глиной не работаю, — вскидывается девочка. Остальные смеются, а мисс Азора проговаривает что-то беззвучное, как будто считает.

Год перепрыгивает в другой, пока девочка считает свои дни с мисс Азорой, иной раз думая, чтоб уж лучше они прыгали назад. Год сменяет год, вырисовывая ей талию, наливая спелостью бедра. Годы ломают ей голос, а затем разглаживают его по новой, так, что иногда она сама себя не узнает. Годы заставляют одни и те же глаза видеть одно и то же, но читать уже по-новому. Читать по-новому мужчин, читать по-новому мисс Азору. Хотя нет, читать ее всегдашнюю, но уже через то, как она видит девушек. «Мы здесь все женщины, но не сестры», — говорит одна из них. В тот первый год две женщины уходят, спустя год одна возвращается. В доме умирают трое мужчин, один внутри Динти. За двумя приходят другие мужчины, а третий был проезжим караванщиком, и пришлось заплатить торговцу, чтобы его сжечь. У девочки-подростка, которую привезла в дом мисс Азора, нет имени, но так как она среди женщин единственная юная, ее зовут просто Девчушка. Именно Девчушку посылают к мяснику за требухой и хвостами, потому что он сжалится и даст ей больше. Девчушка зависит от доброты одних женщин и держится подальше от злобности других. Девчушка прячется, когда та или иная женщина говорит ей «спрячься и не выходи», потому что следом приходит определенный мужчина с определенным желанием, а мисс Азора хотя и любит своих чад, но деньги ей нравятся всё-таки больше. В чуланчике на земляном полу Девчушка играет с палочкой, которую зовет своей сестрицей; эту сестрицу она с приходом дня оставляет там лежать на полу. На глазах у Девчушки женщины

занимаются всевозможным трудом, шлюхами становясь лишь ближе к ночи. Тем временем на нее посматривает мисс Азора.

— Годки твои идут, — говорит она Девчущке, — а личико у тебя всё еще жесткое, как будто все встречные для тебя — люди, что тебя обижали. Подбородок у тебя чересчур остер, глаза не в меру глубокие, нос торчит, грудь мелковата, ноги, ишь, какие длинные, руки умелые, язык шустрый.

Она хватает Девчущку и стягивает ей через голову рубашонку. Девчущка вздрагивает: за годы, проведенные в доме, где женщины ничего не скрывают, она научилась стесняться.

— Про стыд забудь, гони его, — наказывает мисс Азора, осматривая девочку. — За него ни купить ничего, ни продать. Ку у тебя тоже изменится, — говорит она и обращается к Динти: — Принеси какое-нибудь тряпье.

— Скоро луна придет к тебе взять, чего хочет, — говорит с усмешкой Динти. — А уж там и мужчины не задержатся.

Слова мисс Азоры вскоре сбываются, и у девочки впервые саднят соски, набухает живот, болит голова и следы крови остаются везде, где она ни присядет, и так три дня и три ночи. Низ живота словно берedit изнутри, и боль эхом отдается в пояснице и бедрах.

— Гляньте-ка, плачет не переставая. Я и не видела, чтоб кто-то так тяжело это переносил, — качает головой мисс Азора, в то время как Девчущку опускают в чан с теплой водой и льют ей на плечи ласковые струи. Мисс Азора поглаживает ей затылок, тихо напевая, пока та уходит в сон.

— Не отчаивайся, девонька. Ты теперь женщина, — говорит она.

Через половину луны мисс Азора переселяет ее в самую маленькую комнату в доме, которую меж собой называют Сундучком. Здесь Девчущку ждет ее первая в жизни кровать с толстым матрасом и подушкой с перьями, а в углу стоят таз и кувшин с водой, причем не для питья, а для омовения. В ту же ночь из окна, что прямо над кроватью, на матрас к ней пробирается одна из женщин.

— Это я, Янья, — говорит она и грустно смотрит на Девчущку. А затем с протяжным вздохом говорит: — Ты не думай, что Азора тебе делает какую-то милость. Она просто готовит тебя к тому, чтобы ты стала следующей Запрет-

ной Лилией. Запретная Лилия предназначена для мужчин с особыми вкусами, хотя в них самих нет ничего особенного, кроме тугого кошелька. Такой мужчина при виде подружек, с которыми играет его дочурка, едва сдерживает желание сцапать одну из них и оттащить в укромное местечко где-нибудь в кустах.

Но сначала она подождет, посмотрит, как ты чуток подрастешь, откормит еще немного. И вот тогда она сделает с тобой вот что: однажды ночью она без предупреждения напустит на тебя мужчину. Она предпочитает, чтобы это было так: спустить его на тебя без поводка, а потом объяснить, что если тебе это не по нраву, ты всегда можешь уйти. Так она поступала со всеми нами. Но ты можешь сделать вот что, — говорит Янья, не упоминая, однако, что случилось с последней Запретной Лилией. Вместо этого она подсовывает девочке мешочек с плоской и говорит: — Смешай в этой плоске столько, сколько умещается на кончике твоего пальца, и убедись, что они сначала это выпьют.

Первые четверо мужчин оставляют по толстому мешочку и широко улыбаются мисс Азоре, говоря, что возлежать с такой чаровницей — всё равно что лежать на облаке. Хотя то облако не между ее ног, а подушка, на которую мужчин валит сон. Однако пятый, прежде чем приложиться к плоске, вспарывает ее целых две песни, что уныло кружатся в голове. Просыпаются мужчины неизменно выхолощенными, но гордыми, полагая, что оставили в милашке никак не меньше двух бастардов-близнецов. А после пятого она начинает их обирать.

От раза к разу ее мешок наполняется. Золото, серебро, железо, раковины каури и слитки. А еще серьги, кольца для носа и ушей, перстни, ожерелья, орехи кола, чудо-ягоды, талисманы, амулеты, высушенное сердце, кости животных, кусочки баво, драгоценные камни, фетиши из дерева и нефрита, каолин. Еще резная фигурка из оникса. При этом некий муж рассказывает дома жене, что она, должно быть, выпала по дороге или канула в реку, затерялась в волнах или ее вынули из одежды. Гораздо проще расставаться с ценностью, примерно зная, кто ее забрал, чем, избави боги, объяснять, каким образом это произошло. Те мужчины, бывает, всё еще захаживают и спрашивают девушку с облаком между ног. Мисс Азора чувствует

какой-то подвох, потому что нет в девчонке ничего такого, что могло бы привлечь мужчину, но нельзя же шипеть на монеты, которые сами катятся в руки.

Но чему быть, того не миновать. Наступает Маганатти Джарра, двадцатая ночь луны сикава. Мужчины делают то, что им, по их мнению, делать положено, женщины же просто это терпят. Ну а в доме услад мисс Азора недовольна тем, как медленно протекает ночь. Большинство женщин сидят в зале, где мисс Азора обычно встречает мужчин и ведет учет. Янья с еще одной женщиной сидят лицом друг к другу, две другие стоят вместе у правого окна; Девчушка сидит на полу в дальнем конце, вне досягаемости шлепков мисс Азоры. Хозяйке что-то не сидится, душа не на месте, и она бродит взад-вперед, поругиваясь.

«Суеверный страх перед ночным небом», — полагает одна из женщин, но не это причина недовольства хозяйки. С некоторых пор ее мучает вопрос, а не пущен ли новый слух о ее женщинах — более сильный, чем все предыдущие, — что испокон не останавливает ни одного мужчину, зато успокоительно действует на их жен.

— Поговаривают, у нас тут опять завелась дурная женская болезнь? — спрашивает она, но ответить ей никто не может, потому как вне дома ни одна из этих женщин ни с кем разговоров не ведет.

— Что ж, — говорит мисс Азора. — Если мужчина не ищет ку, то ку сама должна искать мужчину.

Она велит Янье идти на улицу и заголить на себе дашки¹, чтобы любой проходящий мужчина мог видеть ее грудь.

— Почему я, мисс Азора?

— А ты как думаешь, девочка? У Динти сиськи вислые как у козы, это во-первых. А во-вторых, я ничего не повторяю дважды. Так что ступай...

Всё происходит замедленно, как во сне, и быстро, как в поединке. Вокруг шеи хозяйки обвивается один длинный черный палец, затем два, три, четыре. Не успевают кто-либо из женщин закричать, как мисс Азора отрывается от пола и летит через всю комнату на стену. Мгновение — и она уже неподвижно

¹ Да ш и к и — короткая африканская туника.

распластана на полу. Женщины с истошным визгом разбегаются. Никто не слышит, как приближается *он*, не видит и не чувствует его запаха. С двух шагов можно разобрать, что это некто в мужском обличье. Он исторгает такой вопль, что у некоторых женщин из ушей идет кровь. Несмотря на громоздкость, он в мгновение ока хватает подвернувшуюся под руку беглянку и тоже швыряет, после чего с иступленным воплем вдребезги разбивает стул. Чудовище.

Такой высоченный, что башка задевает о потолок; одна рука тонкая и иссохшая на вид, зато другая толстенная, как туловище, и ею он касается пола. Две ножищи, высокие, как деревья, при этом одна короче другой. Вперевалку он карабкается как паук, хлопая своей лапищей, под которой разлетаются столы, бьются урны и вазы; всё это он расшвыривает, обхватывая змееподобными пальцами. Вот он ловит взглядом Девчущку и снова издает вопль, направляясь прямо к ней. Та взлетает вверх по лестнице — она еще никогда не взбиралась так быстро — и бежит в свою комнату. Удары, визг и вопли близятся, после чего дверь в комнатушку слетает с петель. Чудовище заходится чудовищным воплем. Девчущку так трясет, что слезы при каждом моргании летят в стороны.

— Благодарю богов, что ты не вор-мальчишка. Иначе бы мне пришлось звать десятерых, чтобы вытащить Укундунку из твоей дыры, — раздается властный женский голос.

И вправду: стоит госпожа, на вид очень знатная и важная. Темные губы поджаты, ноздри расширены, грозно нахмурены брови, под ними узор из белых точек, сбегаящий по левой щеке. На голове игия, похожая на большой черный цветок, а поверх плеч длинное белое басуто¹ с рисунком черного воина с копьем и щитом. Женщина высока и статна, но не толстячка. Она выглядит так, будто может враз объять всех своих детей и гневно рассмеяться. Девчущка всё еще дрожит. Укундунка вцепился в ее спальные простыни, будто собираясь подтянуть их к себе.

— Девочка, говори: где она?

Та стоит ни жива ни мертва, слова застревают в горле.

— Где... где... — пытается пролепетать она.

¹ Басуто — племенное одеяло зулусов.

— Талисман, глупышка. Резная фигурка из оникса. Не заставляй меня повторять слова, иначе я велю ему тебя обыскать.

Под ее взглядом Укундунка угрожающе кренит навстречу голову — череп, как у лошади, глаза, как у волка, зубы крокодила. Дух из пасти такой, что спирает дыхание.

— Они едины, ты меня понимаешь? Укундунка и талисман — одно целое. Дай-ка я расскажу тебе одну историю. Однажды, после многих лет брака, я говорю мужу: «Дорогой мой муженек, все знают, что ты знатная персона и дела твои настолько важны, что не дают тебе допоздна бывать дома. Боги знают, что я волнуюсь. Волнуюсь так сильно, что прошу заклинателя, близкого к богам, сделать что-нибудь, дабы уберечь моего мужа. Носи неразлучно этот талисман, мой муженек, и Укундунка уберезет тебя. Такой важный человек, как ты, с врагами повсюду, может не ровен час очутиться в канаве с перерезанным горлом!» Поэтому каждую ночь, пять раз перевернув песочные часы и не видя мужа у себя под боком, я отправляю Укундунку на поиски талисмана. Чтобы муж был в безопасности, ты меня понимаешь? И вот однажды вечером он приходит домой не только глубоко за полночь, но и без него, без талисмана! Потерял, говорит, и не трудись, мол, его разыскивать, потому что я не знаю, куда он делся. Я говорю: «Не волнуйся, муженек, я скоро его найду и расправлюсь с тем, кто его забрал». И что теперь я вижу? Что он пригрет на груди у шлюхи! Хорошие дела.

— Я не шлюха.

— Ты в доме терпимости. Вряд ли ты монашка.

— Но и не шлюха.

— Ну не повар же?

— Не шлюха, и всё!

— Тогда почему эта комната воняет мужиками?

Ответить Девчушка затрудняется. Она могла бы сказать, что мужиками здесь, может, и воняет, но на ней этой вони нет. Однако разговор о сонном зелье может привести к тому, что об этом прознает мисс Азора. Знатная госпожа смотрит с изучающей пристальностью.

— Может, ты ему родишь ребенка? Я себя этим, понятно, утруждать не собираюсь, во всяком случае с ним. Ха, а я вижу, ты растеряна. Ты и в самом деле еще соплячка.

— Никакая я не шлюха. Я никогда с ними *этого* не имела.

— Да неужто? Чем же ты тогда с ними занималась?

— Я их... обчищала.

Больше шипения монстра Девчужку беспокоит пронзительный взгляд этой особы. Тут хмурость женщины сменяется улыбкой:

— То есть золото? Каури? Ассигнации? Ну-ка расскажи, любезная.

Девчужке остается лишь беспомощно тарачиться. Похоже, взрослые женщины только тем и занимаются, что разоблачают и выводят на чистую воду, в то время как тебе остается только увилывать и уповать на чудо.

— Я беру у них всё, что болтается лишнего. И оставляю у себя, потому что мисс Азора ничегошеньки нам не дает.

— Совсем-совсем? Ну а одежда, что на тебе?

— Мы ее покупаем на свои. А хозяйка, повторяю, нам ничего не дает. За исключением, наверное, одного. Продавая нас по первому разу, она напускает на нас кого-нибудь особенно лютого, а с него самого берет тройную плату как за свежатинку. Потому я сначала подсовываю им сонный настой, а уже потом обираю.

— Вот как? Выходит, они с тебя ничего не берут, зато ты всю на них наживаешься? Да ты, девчонка, находишься не в том доме.

— А что мне толку бросать одну доильщицу ради другой?

— Это смотря кто доит.

В ту же ночь Девчужка уходит со знатной особой. Мисс Азора ничего не говорит. Она даже не сдвигается с места, куда ее зашвырнул Укундунка, и какая у нее судьба, неизвестно. Знатная спрашивает Девчужку, как ее зовут.

— Имени у меня нет.

— Вот это да. Как же люди тебя кличут?

— Мелкая, бесовка, шлюшка, девчужка, Запретная Лилия...

— Хватит. Выбирай себе имя, им мы тебя и будем звать.

— Я свою мать зову Соголон.

Так девочка принимает имя своей умершей матери, сто семьдесят и еще семь лет назад. Сто семьдесят семь раз, кои великая тыква мира обращается вокруг солнца.

Соголон.

ДВА

Соголон, перестань стучаться о стены. Ты уже не маленькая.

Гляньте на подростковую девочку. Ей хочется сказать госпоже Комвоно, что в стены она утыкается не по привычке и не из желания причинить себе вред. Просто ей любопытно ощущение удара обо что-то настолько твердое, что оно не пружинит, как ткань, и не глушит удар, как земля, не позволяет утонуть в себе, как в грязи, или образовать вмятину, как глина. Это так ново — ощущать нечто стопорящее тебя, как бы сильно ты ни бежал. Значит, путь вперед не может быть пройден, если преграда — камень. Ни отскока, ни эха, ни отзвука — тук, и всё. Хотя всё равно это не камень, пусть камень и помогает в его создании. Грубый и зернистый, но на грязь не похож; скорее, на песок, будто кто-то изыскал способ сдавить его так, чтобы он стал прочнее дерева. Холод; стена всегда холодная, как оголовок топора рано утром, когда кухарка сует его в кувшин с вином, чтобы охладить. Два утра, может, даже три или все десять, она подходит где-нибудь к стене — в темном конце поварни, у задней оконечности сада, внутри амбара, в любом месте, где нет чужих глаз, — и ее лижет.

Стены отличаются не только на вкус. С первого же дня, как Соголон попадает сюда через заднюю дверь и почти каждый день после этого, госпожа хвалится, что дом этот не обычный. Не какая-нибудь там конгорская безвкусица, а жилище под стать любому вельможе выше Песчаного моря. «Никаких средств не жалко, — говорит госпожа, — чтобы уподобить наш дом чему-то из восточной мечты». Конгорских домов Соголон пока не посещала, так что сравнивать ей не с чем. Прежде все-

го потолок, до которого не достать, даже если двое мужчин встанут друг другу на плечи. Стены грубые, вроде каменных, но вылеплены тем не менее вручную, как глинобитный дом из Миту. Окна просторней, чем в любом другом доме в Конгоре, где они больше напоминают лазы. Тонкие деревянные балки, высокие и недоступные, смотрятся на стенах усами, с которых свисают пояса, мечи, маски, фетиши и щиты. Ниже, но всё равно высоко, висят ткани со всего Северного и Южного королевств и разных дальних земель. Прямо у левого окна — хозяйский табурет, на который тот никому не разрешает садиться. Кухарка рассказывала, однажды туда уселся раб. Хозяин приказал его сечь, пока дурашка чуть к богам не отошел. По всему дому на полах ковры и подушки для тех, кто пожелает присесть. Везде орнамент — красный с желтым, зеленый с синим.

Бывают дни, и их немало, когда Соголон бродит по дому и оказывается в новой комнате. Или комнатах, которые луну назад казались большими, а теперь вдруг уменьшились. Когда-то в них было жарко, а теперь заметно прохладно. Некоторые комнаты располагались по соседству с поварней, а теперь по коридору сместились в ту часть дома, куда не заходит даже хозяин. Сами комнаты вроде не движутся — куда им, — но, видимо, так кажется потому, что их слишком много для запоминания, где из них какая. Возможно, именно поэтому она не может сосчитать, сколько там живет людей. Во-первых, хозяйка и хозяин. Затем толстуха-кухарка, чьего имени она не знает, а сказать ей та не удосуживается. Худая девушка, представившаяся рабыней, пока не выяснилось, что звать ее Наниль. Мальчик, смотрящий за хозяйскими лошадьми, — это она узнала от кухарки. Как-то раз Соголон заметила, как он одновременно выводит лошадь и подметает крышу. Оказалось, близнецы, но ей об этом никто не сказал. Без необходимости здесь с ней никто не разговаривает.

— Ты уже не маленькая, — говорит госпожа Комвоно, и в определенные дни это вызывает некую раздвоенность. Девочка начинает задаваться вопросом не о том, когда она перестала походить на малышку, а когда, наоборот, начала. От курицы ведь не услышишь, что она была маленькой цыпочкой, а коза никогда не скажет: «Смотрите, каким милым я была козленком». Кто мог сказать ей это, кроме братьев и мисс Азорь?

Но для мисс Азоры девичество было пустой тратой времени; неуклюжим состоянием, от которого умной женщине надлежит побыстрее избавиться. «Но ты радуйся, — ободряла она, — потому что некоторые предпочитают, чтобы ты смотрелась именно маленькой девочкой».

Госпожа Комвоно несколько раз заговаривает с ней о том, что ее конечное назначение выходит за пределы этого дома, даром что он ей нравится. Эти слова вызывают у Соголон раздумья, не готовит ли ее госпожа в подарок дому монахинь или стану старейшин в обмен на приток золотых монет, которые хозяйка так любит пересчитывать? Она говорит:

— Вы только представьте! — и слышен золотистый звон монет, которые она подбрасывает. — Представьте себе дом, куда хозяин привносит единственно свое имя. Не монеты, не ассигнации, не каури. Имя — вот его единственное состояние и польза. Гриоты, что ведут семейные хроники в стихах и песнях, могут вывести его родословную вплоть к основанию Фасиси! Комвоно, гепарды старой саванны! Если б только они были настоящими гепардами, если бы были чем-то таким, что можно купить, продать, подарить или выменять. Но всё равно многие двери распахиваются, и лишь немногие закрываются, когда твое имя Комвоно.

А этот хозяин, господин. Они все слились для нее в один образ — все эти мужчины, что приходили к ней в комнату, в тот самый «Сундучок», — так что она перестала их меж собой различать. На ее облаке они засыпали еще до того, как потрудятся заговорить, а те, кто пытался, не считали ее достойной разговора. В конце концов, рот не та дырка, за которую они платят, — если только эта женщина не Динти. А тот, кто не разговаривал и не пил вино, тот без жалости ее мял и порол своим жезлом. У себя в памяти она делала пометки — память если не о лицах, то об их запахе, — с клятвой наведаться к ним однажды ночью с ножом. Однако увидев того своего господина, хозяина, она не смогла определить, первый ли он, последний или же просто среди их числа. Когда его увидела, но не встретила с ним.

Встречаться они никогда не встречались, даже когда она увидела его впервые. Рабыня сказала ей:

— Девочка, даже не гляди в его сторону: он персона, которую раньше вызывали к королевскому двору. — А на вопрос

Соголон, почему его больше не вызывают, ответила: — Ты кто такая, чтобы лорд Срединных земель снисходил тебе что-то объяснять? Девушка вроде тебя должна быть для такого мужчины как воздух.

«То есть никогда не виднеться у него на пути», — истолковывает Соголон слова Наниль.

Хотя она не может этого господина вспомнить, но подмечает, как он помнит ее. Это видно по всему его лицу, особенно по глазам, которые распахиваются, когда он чем-то встревожен, становятся изменчивы при лукавстве, щурятся, когда он злится, пустеют в минуты притворства и закрываются при отрицании. Хорошо хоть, что он не помаргивает в знак желания, которое, как опасается Соголон, может еще наступить. Всё это замечает и госпожа, испытывая от этого такое блаженство, что возникает подозрение, не игра ли это. Вон слышно, как они в спальне: хозяин собирается устроить себе второй отдых, а хозяйка облачается и делает свое умчокозо¹, накладывая точки из белой охры от левой брови вниз по носу, вокруг губ и до кончика подбородка. Стало быть, она собирается встретиться с кем-то из знати или сделать что-то примечательное.

— Жenuшка, ты просто нашла эту замухрышку и притащила в дом вместо питомца, которого добрые люди выкинули?

— Муженек, это ведь ты потерял талисман. Ну а я просто потрудилась его найти.

— И кончилось тем, что ты притащила еще и ее?

— Похоже на то. Видно, боги решили нас благословить какими-то дарами. Тоже неплохо, потому что я нашла ее...

— Боги могут счесть тебя соучастницей этой воришки.

— Тогда она очень искусна, дорогой муженек. Иначе как бы она сняла его с твоей шеи?

На какое-то время хозяин смолкает. А затем сбивчиво спрашивает:

— А г-где ты ее нашла?

— Да в какой-то канаве, муженек. Просто в канаве. Сидит себе возле талисмана и как бы стережет. Мне это показалось знаком доверия богов.

¹ Умчокозо — у африканских женщин украшение лица пятнышками краски в знак того, что она гордится своими корнями.

— В канаве? Какой такой канаве?
— Ты канав не видел, дражайший муженек?
— Она не может оставаться в этом доме.
— Куда же ей податься? Она ведь просто девочка, не пристроенная к делу. А у нас дом растет, нужда в слугах тоже. Тебе-то она что?

— Мне? Я ее даже не знаю.

— Ну вот. Ты же всегда твердил, что хочешь ребенка.

— Да никогда я ничего не твердил, тем более этого!

— В самом деле? А чьи слова были: «Ах ты бесплодная сука, где мои дети? Ты губишь мою родословную!» Так что вот тебе новый день, тебе и этому дому. Дети, может, еще появятся. А один уже точно здесь.

— Она уже не ребенок.

— Но чей-то же ребенок?

— Мне она не нравится.

— Ты ж ее не знаешь.

— Да язвы вас боги! Ты испытываешь мое терпение, женщина!

— Испытываю? Это как же так, муж? Она сказала, что нашла талисман в той самой канаве, где я нашла ее. Несомненно, это рука богов. Я говорю себе: жена, зачем твоему мужу разгуливать возле какой-то канавы? Да еще в квартале Галлинокбе? И как ожерелье может упасть с его шеи, если нитка не порвана? Зачем ему вообще ходить пешком? Но боги всегда говорят: «Доверься мужу, ведущему к правде». Вот я и выбираю это самое доверие. Ну а учитывая, как эта девочка стерегла то, что оберегает меня и нас, то, несомненно, человек, столь известный своими благодеяниями, как ты, тоже будет желать ей блага.

— Ну так брось ей три золотых, и пускай катится.

— Бросить, как какой-нибудь шлюхе?

Господин Комвоно закашливается и говорит, что совершенно не знает, как торговаться со шлюхами. Соголон тайком подслушивает из зала. Никто не слышит ее беззвучного хихиканья. Ах какая хитрая эта женщина. В лицо-то она говорит только то, что Соголон делает не так:

— Девочка, ешь ты неправильно. Ты ведь не корова, жующая жвачку. Кушать нужно так. Прежде чем брать хлебный ломоть, погляди на него, подбрось, и отламывай небольшими кусочками.

Козью тушенку зачерпывай аккуратно, кусочками не больше кончика пальца. Кушай неторопливо, и чтоб никто не видел, что ты там жуешь, людям на это неприятно смотреть. Милочка, ну как ты умываешься! Я ведь вижу, ты этого совсем не делаешь, если только не грозиться прогнать тебя вон из моего дома. А мыться надо вот как: заходишь в умывальную возле амбара и натираешь кожу песком. Скребешь между грудями, не забываешь про ступни, отскребываешь локоть, чтобы он не выглядел куриной пяткой; аккуратно споласкиваешь свою ку — много воды туда не лей, это не воронка. Девочка, что у тебя с головой? Игию даже не примеряй — ты не знатного рода. Возьми эту ткань, и пусть служанка покажет тебе, как сворачивать геле¹. Волос у тебя немного, а торчат как попало. Девочка, ну кто так ходит? Надо вот так. Посмотри, как ходит *ндеге-катибу*, птица-секретарь. Как важно она держится: крылья сложены как у человека, сцепившего руки за спиной; подбородок вперед, голова поднята высоко, будто удерживает на себе кувшинчик масла. При каждом шаге сначала смотришь за коленом, приподнимаешь его, но не слишком высоко — надо по-женски, — и смотришь на ступни, как они касаются земли, не спеша, плавно, словно на цыпочках.

— Вы хотите, чтоб я походила на ту бесовскую птицу? — удивляется Соголон, видевшая однажды, как тот самый секретарь затоптал и проглотил змею. Госпожа Комвоно награждает строптивицу шлепком.

— А ну прекратить мне эти кумушкины кривотолки! — командует она. — Из своих девчачьих лет ты скоро выйдешь, и тебе нужно быть готовой.

Готовой к чему, Соголон не спрашивает. Мисс Азора тоже говорила, что надо выходить из своих девичьих лет, а расстраивать госпожу Комвоно и лишаться ее доброты не хочется. Хотя чувствуется, что хозяйка явно ее холит и взращивает; сложно сказать для чего, но вряд ли это сильно отличается от приемов мисс Азоры. Соголон чутко наблюдает за всеми мужчинами и женщинами, что приходят с визитами, а их немало.

Таясь по затемненным уголкам и коридорам, она узнает, кто потерял уборщицу, кому нужна дочь, какой мальчик недавно

¹ Геле — нигерийский головной убор из куска ткани, обернутого вокруг головы.

прошел посвящение в мужчины, кто из вельмож разочаровался в своей последней жене или, учитывая интерес хозяйки к пересчету монет, кто просто сорвал недурной куш. Годы, проведенные у мисс Азоры, дурочкой ее явно не сделали. Соголон знает, что без приданого для мужчин она безынтересна. Ну разве что мужчина захочет себе сыновей, одного за одним, и ему всё равно, из какой дырки они выскочат.

Девочка взирает на мир из своего окна, всё еще прикикая ладонями к диковинной вещи, именуемой оконным стеклом. Крыша широкая — наверно, место, где сходятся мужчины и за беседами о мудрых вещах что-нибудь пьют. Крыша со ступенями на еще одну крышу — семья там, наверно, уже большая и всё растет. Иногда крыши не отличаются от стен, что под ними, а на них запечатлены следы рук тех, кто их возводил. Вон высокая тонкая башня — тюрьма или, может, место, где город хранит на случай голода запасы сорго. А может, это дом самых худых и высоких людей в девяти мирах. По окнам Соголон считает этажи. Три дома высотой в три этажа с окнами над окнами, а дальше четвертый, высотой всего в один и вообще без окон. «Три семьи богатые и одна бедная», — догадывается Соголон. Интересно, что за женщины там живут. Город крыш, о высоте которых судить сложно, потому что большинство из них похоже. А несколько шестиэтажных и даже восьмиэтажных домов упираются в самое небо. У всех стены одного цвета, коричневые, охряные, из песка или засохшей грязи. Окна, сделанные не по лекалам зодчих, а как норы и пещерки, похожие на входы в пчелиные ульи.

Ночью город меняется. Теперь он похож на спину животного, черную от теней и шипов, а среди теней мерцают окна с оранжевым светом. Несколько ламп в нескольких окнах, и все смотрятся одиноко. Свет в основном тусклый, потому что главный огонь находится дальше, в печи, где готовится мясо, или в напольном котелке, где варят кофе. Дальше, в глубине города, огни даже и не мерцают. А далеко на севере, в центре Конгора, на вершине той самой высокой башни, статуя птицы, которая сидит на вершине, словно собираясь взлететь.

Башня Черного Ястреба — так называют ее кухарка, когда берет Соголон на улицу. Всё, что там помнится, — петляющая змеей дорога, такая широченная, что три повозки с одной стороны могут разом ехать против трех с другой, а затем она сжи-

мается так узко, что местами протиснется разве что женщина. Покинуть квартал Таробе, который, как с гордостью говорит кухарка, в городе самый богатый, значит отправиться либо на юг, к пересыхающему руслу реки, где рабы добывают из грязи воду, смачивая в ней тряпки, а затем отжимая их над ведрами, чтобы отделить грязь, либо отправиться на север, куда глаза глядят. Путь идет по окраинной дороге вдоль Имперских доков, пока не выходит на другую дорогу, широкую и оживленную, которая манит в глубь квартала Нимбе, где ведется учет «всему, что ходит, плодится и гадит», как говорит кухарка. Соголон уже подустала, но кухарке, похоже, всё нипочем, ишь, какая неутомимая. Соголон приходится кричать, что она дальше пешком не пойдет, чтобы та свистнула повозку, которая отвезет их через дорогу, мимо Черной башни в квартал Нимбе, где кухарка думает закупаться.

— Нам нужен новый масляный светильник, а если хотим сэкономить, то лучше два. Здесь, в Нимбе, лучший делальщик ламп и вообще всего, чего ни попросишь, — говорит она, хотя Соголон вовсе и не спрашивает. Ее занимает, что здесь стены высоки настолько, что солнце не пробивается на улицу. Из мыслей ее выводит шум спора: кухарка вздорит с торговцем насчет цены лампы. Оба бранятся, зовут в свидетели богов и грозятся их карами, пока кухарка наконец не говорит, что если иметь дело с плутами и разбойниками, то уж лучше тащиться для этого на север. Север. Туда они дальше и направляются, в квартал Галлинкобе, где большинство домов выглядят толстыми, приземистыми и одинаковыми.

А все люди здесь с одинаково нахмуренными лицами.

— Не говори хозяйке, куда мы идем, — наказывает кухарка, — и никогда больше сюда не возвращайся. — Она ведет ее за руку по улицам и хмурится, когда Соголон говорит, что прошло уже много времени, когда она была маленькой девочкой.

— Если я отпущу твою руку в квартале Галлинкобе, дом госпожи ты уже больше никогда не увидишь, — пугает она, оставляя Соголон наедине с колдовским зрелищем продаж, покупок, разгульного пьянства, ругани, хохота, раскатывания тканей, разделок туш, шествия знатных женщин с рослыми, как дубы, охранниками, торгов по сделкам и ценам и с предупреждением, что она может подвергнуться опасности.

Опасность там — в безвестной глуши деревеньки, название которой у нее даже не отложилось, где трое братцев не чают с ней расправиться. Опасность — мужчина, приходящий к мисс Азоре насладиться Запретной Лилией; тот, которого она не успела опоить зельем, прежде чем он толкнул ее на кровать. Опасность есть в потустороннем мире, где, по словам братьев, истошно вопит ее мать, взывая к ним отомстить мелкой бесовке, что вылезла из ее ку и убила родительницу из своенравия. Конгор? Да этот край просто чудо. Что и печалит Соголон, потому что она не хочет его покидать. Пусть даже хозяин шарается от нее как от куклы вуду, что обжилась в его доме.

Госпожа лезет из кожи вон, пестуя ее, и заметно торопится. Соголон для нее та, ради кого она суетится и беспокоится; та, кого надо одевать в хорошую одежду, чтобы люди полагали, что она из хорошего дома. Кого надо наставлять, поправлять, хлопать по лбу, шлепать по заду, ругать, когда она разговаривает как какая-нибудь речная крыса из Миту — так ее, бывает, кличет хозяйка, когда узнает, из каких примерно мест девочка родом. Но ведь все понятно: хозяйка готовит ее к чему-то другому. *Кому-то* другому. Поэтому Соголон запоминает дни и начинает вести им учет. Двадцать и девять, вот уже и новолуние. Затем она заучивает луны и как их исчислять; радуется, когда одна уходит со счетов, и боится, что это последняя луна, которую она считает в этом доме.

— Стой прямо, как подобает женщине, а не какой-нибудь ленивой дурехе, — предостерегает госпожа Комвоно, когда замечает, что девочка чуть не падает, хотя ее падение происходит вовсе не от лени. Тем временем хозяин по-прежнему на нее не смотрит.

Но однажды ночью он спускается в комнатушку рядом с поварней, где спят она и девушка-рабыня. Соголон не спит, хотя и делает вид; то же самое и рабыня. Он пытается ступать как можно тише. Идет на цыпочках, но на ногах тапки, которые пошлепывают по полу при каждом шаге. Он легонько тычет рабыню ногой. Та не двигается, и он тыкает сильнее, чтобы разбудить. Та с тихим стоном откатывается, но он подступает к ней и снова толкает ногой. Она в ответ сонно бормочет. Хозяин теряет терпение и задирает на себе ночную рубашку, под которой ничего нет, а в темноте под белым кажется, что

там бестелесный призрак. Ткань рубашки спадает обратно, но он задирает ее снова. Хозяин опускается на колени и притягивает рабыню к себе. Она стонет, как будто снова хочет заснуть, и перекатывается на живот. Но он подтягивает ее ближе, задирает ее халат через ягодицы и снова поднимает свой. Слышно, как он чем-то шлепает по ее коже и пристраивается к месту. Соголон тихо поворачивается; ей любопытно, делает ли он сейчас то, что, по его впечатлению, делал тогда с ней у мисс Азоры. Толчками двигаясь, он шумно, с напором пыжится, иногда приостанавливаясь стряхнуть что-то, колющее ему под коленом — может, какой-то камешек, — но рабыня не движется. Она помалкивает, а он пыхтит от усердия.

Город есть город. Там, откуда она родом, иногда шелест травы на ветру создает ощущение, будто земля распахивается тебе навстречу. Особенно когда рядом нет ничего, кроме дыры в склоне термитника, из которого выглядываешь наружу. В Конгоре ничего подобного нет, и когда Соголон не спится, она встает и смотрит в окно. Сонная улица безмолвна, но на дороге там всегда мальчишки, и вид у них такой, будто они куда-то собираются.

Кто в лохмотьях, кто вообще голышом, но все при соломенных шлемах, с налокотниками или поножами в яркой расцветке, бросающей вызов темноте. Причиндалы, которые ей знакомы и памятны, хотя и непонятно почему. Но что-то воздействует на нее глубже, чем понимание. Что-то в мальчишках, расхаживающих по городу с важнецким видом, как будто они хозяева улиц, заставляет ее ощутить свободу, которая буквально омывает ей ноги, а затем резво уносится. Девочка выскакивает за дверь прежде, чем даже дьявол успевает моргнуть. Двери здесь без замков и сторожей, ибо защита этого дома — имя его хозяина. Проходит слишком много времени, прежде чем до нее доходит, что она не знает, куда идти или как вернуться.

Но она в квартале Таробе, откуда путь на юг ведет к руслу реки, а если двигаться в другую сторону, к Башне Черного Ястреба, то тогда она пойдет на север или на северо-восток. Ночные улицы Таробе освещены светом факелов. Но вскоре Соголон оказывается на незнакомой улице, где единственный влекущий ее свет — это белесая луна. Звук увлекает ее больше, чем зрение, потому что она догоняет мальчиков.

Башня Черного Ястреба становится заметно ближе, однако до нее все еще далеко. Соголон приближается к пространству, где днем шумит торжище, но сейчас оно заполнено голосами и трепетным светом факелов. Она выходит из-за угла и видит играющий рыжими языками кострище высотой с дом, а также мальчиков. Но не они, не их сборище волнительно пронзает ей сердце, а эти боевые причиндалы на их головах, локтях и коленях, соломенные доспехи палочных бойцов. Соголон находится в проулке, что выходит на площадь с костром; крыши урезают лунный свет и отбрасывают на нее черное затенение. Она отступает от тревожно-изменчивых бликов огня и наблюдает за происходящим из темноты.

Юнцы с задиристым смехом прыгают, орут и улюлюкают, но не как ее братья, у которых каждое движение было помечено злобой. Здесь есть и мужчины — некоторые в одеяниях семикрылов, черных с белым исподом, другие в благородных агбадах¹; иные смотрятся как вельможи, другие как нищие. Но в основном здесь мальчишки, в большинстве своем голые или те, кто сейчас спешно избавляется от одежды, и почти все в доспехах для палочного боя. На ком-то вообще ничего, кроме слоя белой глины и цепочки на животе.

Присмотримся к этим юнцам. Вот один пытается сдержать другого, молотящего в запале палкой другого мальчугана, бьющегося уже с земли. Лоснящийся от пота молотильщик силен и проворен. У мальчугана на земле не защищены пальцы, и удар по костяшкам заставляет его выронить палку. Еще один удар по лицу, другой по щеке, и к ним подскакивает мужчина, обрывая схватку. Густая орава мальчишек взрывается одобрительным ором, подбежав, они поднимают победителя на плечи. Проигравшего перестают замечать.

Второй бой длится дольше, но всё равно слишком уж быстро. Ей мучительно хочется наблюдать за мальчиками, но это не единственное, чего она хочет. Жадно глядя на их прыжки, Соголон представляет, как и ее ноги отрываются от земли. Со сладостным волнением она глядит, как они замахиваются, бьют, гибко уворачиваются, отбивают встречные удары и снова

¹ А г б а д а — одно из названий «струящегося» мужского халата с широкими рукавами.

наносят свои, пока не брызнет кровь, и сама тоже замахивается в темноте, подпрыгивает, уворачивается, парирует и бьет, парирует и бьет. Это можно делать и в танце, и хотя это бои в кровь, в них есть своя гибкость, подъем и грация. Больше всего на свете Соголон сейчас жаждет ощутить у себя в руках палку — эту штуковину толщиной с большой палец, длинную как дерево, прочнее камня. О, как ей хочется пронестись с ней по пустой улице, на которой где-то за углом притаилось зло, и победно с ним сразиться! Вон еще одна схватка — и подпрыгивая в воздух, как тот незнакомый мальчик, Соголон там как будто подвисает.

Чтобы попасть домой, надо идти к югу, но улицы Конгора по этим правилам не играют. Дом она отыскивает только к полудню, и видит, что все там занимаются своими обыденными, скучными делами. Облегчение в ней сменяется болью, когда становится ясно, что никто по ней не скучает, никто ее не хватился. Что за место такое, где всё происходит без нее, как будто она здесь для всех пустое место! Впору просто закричать.

Как-то раз, проходя по прихожей, Соголон случайно слышит возбужденные голоса, доносящиеся из комнаты приема гостей. Обычно Соголон туда не заходит: ей известно, что все секреты дома сосредоточены как раз в этом помещении, всё происходит именно здесь; в частности, все тайные разговоры. Не то чтобы хозяйка и хозяин держат всё в секрете, просто дело в том, что никто, проходя по прихожей, не останавливается послушать, о чем там говорят господа. Зачем это, когда своих дел полно? Если бы кухарка когда-нибудь застигла там Соголон, она бы просто вlepила ей затрещину и сообщила хозяйке. Интересно заведено у благородных: не им надлежит быть скрытными, а низшему сословию блюсти их тайну. Впрочем, сейчас это не мешает Соголон подкрасться и затаиться в уголке, чтобы подслушать.

— Как, ну как мне к нему пойти? Как это может выглядеть? — спрашивает хозяин голосом, дрожащим от негодования.

— Выглядеть для кого, муж? — спрашивает хозяйка. — В полдень на улице никого нет.

— Ты из себя строишь умалишенную или в самом деле рехнулась? В полдень на улице никого. Ты думаешь, я не хочу идти, потому что боюсь людей?

— Нет, муженек.

— Он еще и наказывает нам идти пешком, хотя знает, что у меня есть повозка, колесница и лошадь, лучшая во всем Конгоре.

— Живет он не так уж далеко.

— Да разве дело в расстоянии, глупая ты женщина! Он хочет, чтобы я притащился к нему пешком; хочет показать мне, что его дом в фаворе, а наш нет. Иначе этот ублюдок, семья которого даже не может считаться родовитой, не посмел бы позвать меня в свой дом! Словно ему мало такого укола, этот болотный угорь решил добавить новое оскорбление. Мы должны не только идти к нему в гнездо, но и влачиться туда пешком, как будто мы его слуги. Представляю, как вся его челядь ждет, чтобы увидеть это, разве нет? Уж он, наверное, созвал и друзей своих, и соседей, сказав: «Приходите, смотрите все! Глядите, как чета Комвоно ползет к моей двери с пылью на ногах». Как ты всего этого можешь не видеть?!

— Потому что я смотрю дальше этого. Сезон засухи скоро сменится дождями, а ты всё реवेशь, как тебя тяготит жара.

— Не вижу в твоих словах никакого смысла, женщина.

— Путь вперед лежит и по ухабам, муж мой.

— Что?

Хозяйка издает громкий вздох. Соголон чувствует бремя этой женщины. Приходится напускать на себя глупость, чтобы возвышать глупца в его собственных глазах.

— Всё так, как ты говоришь, муж мой. Конечное назначение — вот всё, что тебе нужно видеть. Даже не смотри на тех, кто стоит сбоку на пути, потому что мы пройдем мимо них всех. А потому прогуляемся пешком, с нас не убудет. Давай пройдем мимо них всех, муж.

— У тебя всегда так много слов.

— Что именно он тебе сказал?

— Ничего он мне не сказал. Ты разве не слышала? Я больше не достоин его голоса. Он прислал лишь гонца. «У меня вам известие из дворца. Благосклонность еще может осенить семью Комвоно». Это семью-то Комвоно? Мой дед, можно сказать, в одиночку освободил Увакадишу, в пер...

— В первую войну. Да, муж мой. Может, в этом и суть проблемы.

— Гляньте на эту женщину. Она теперь заделалась провидицей!

— Муж мой, вы с ним оба немолоды, так что наверняка он помнит, как наш король захватил Конгор силой.

— И что?

— Фасиси — дворяне по происхождению, живущие среди конгорцев. А на этой улице живет несколько вдов.

— Не глупи, женщина. Присоединение к империи было лучшим, что могло случиться с Конгором.

— Но они не присо...

— Я говорю, не глупи. Конгор не Борну. Заносчивость того царства стерла его из памяти. Это же место не поднимало против Короля ни единого голоса. Между тем у этого куска шакальего дерьма не хватило даже уважения просто послать весть, что у него срочное дело. Он поделился этим со своим слугой. Прислал сюда гонца! Гонца!

— Этой весте мы ждем три года, муж мой. Кому есть дело, через кого она к нам приходит?

— Ты всегда должна выдавать свое низменное происхождение?

Соголон ждет от хозяйки быстрого слова, чего-нибудь короткого и резкого, как хлыст, чтоб заглушить слова, сходящие с его губ. Но ничего не происходит. В помещении становится так тихо, что можно подумать, кто-то из них ушел. Соголон вздрагивает от внезапной мысли, что кто-то подкрадывается к ней сзади.

— Что ж, муж мой. В следующий раз прикажи выпороть посыльного, если захочешь.

— Он будет не последним, кого я за сегодня выпорю, можешь мне поверить. Они обращаются со мной как с какой-нибудь выгнанной собакой. Да, именно! С какой-нибудь собакой, которую выгнали пинком.

— Муж мой, ты мудр во всем. Но если они хотят, чтобы мы были собаками, пусть мы ими и будем. Чтоб они не знали, когда мы укусим.

Еще одна пауза. Соголон чувствует: хозяин наконец-то слышит то, что он может использовать. О мужчинах она знает немного, но достаточно для понимания, что будет дальше.

— Они обращаются с нами как с безродными псами? Это то, что им угодно? Ну так будем же ими! Да почувствуют они, как этот пес рвет зубами и пускает кровь!

— Мой муж так мудр, — лукаво воркует хозяйка. — Явимся туда в белом. Возьми свой кинжал.

О том, куда идут, господа никому не сообщают.

— Если те люди низкородны, то мы еще ниже и не заслуживаем никаких отчетов, — говорит кухарка.

Соголон дожидается темноты, чтобы вновь отправиться на поиски юных бойцов на палках. Там из своего укрытия она выжидает, когда взрослый мужчина крикнет об окончании донги, и все расходятся восвояси. На этот раз ей несказанно повезло: кто-то оставил в грязи свою палку. Она подхватывает ее зачарованно, словно вор, не смеющий поверить в свою удачу. Понятно, что сейчас надо без промедления бежать домой, нестись во весь дух, пока тот забывчивый не вернулся. Но уйти Соголон не может. Низко пригнувшись — ни дать ни взять гепард в буше¹, — она гибко подпрыгивает в воздух, сражаясь с темнотой.

Научившись именовать дни и считать луны, Соголон знает, что с тех пор, как она поселилась в доме, минуло четыре луны. Накануне она отсчитала конец очередной и сидит сейчас в гостиной, гадая, что принесет с собой нынешняя, Гуррандала, последняя в этом году. Шестью днями ранее солнце навлекло на Соголон тягость с опухлостью и кровью, что не доставляет ей ничего, кроме беспокойства, потому как даже в этом доме *лунная кровь* намекает, что ты служишь для продолжения рода.

Хотя хозяин на нее по-прежнему не смотрит, она не забывает слов хозяйки, сказанных с ее появлением в доме, — что, возможно, однажды появятся дети. Странности в поведении Соголон не укрываются от кухарки, но вместо того, чтобы спросить девочку, что с ней, та просто дает ей пучок листьев, давая знак помалкивать. Остается пережидать и надеяться. Вообще у женщины много занятий, но как только появляется лунная кровь, все они сводятся к одному.

— Времени нет, — вздыхает госпожа. — В самом деле, на откорм тебя отдавать уже поздно, да и стара ты для этого.

¹ Буш — обширные неосвоенные человеком пространства, обычно поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

Госпожа Комвоно отстраняет ее от кухни, сказав, что применение ее рукам должно быть более нежным. Это значит, расчесывать волосы госпожи. Волосы у хозяйки жесткие, хотя она считает их тонкими, и всякий раз, когда гребешок цепляется за узел, она шлепает Соголон по рукам. Но одновременно она находит дополнительное время на то, чтобы обучить девочку большему, а не просто тыкать, что она делает не так.

— Стой во весь рост, милочка, а бедро слегка изогни, вот так, будто думаешь пройтись, уперев руку в бок. А теперь иди. Ну-ка, сколькими пальцами ты берешь кусочек хлеба? Ох же дуреха. Двумя, а не тремя! Как зачерпывать мясо, ты хоть, надеюсь, запомнила? Я вроде тебе показывала, как есть козлятину и как отличать проваренную от той, что сыровата. Опустись на пол, девчонка, коленки вместе. Да не становись на них, не сгибайся и уж точно не приседай, а то люди подумают, что ты собралась испражниться. Послушать тебя, так правильная осанка — сущая мука. Никто и не говорил, что это легко. Ты еще не знаешь, какую нагрузку придется терпеть твоим ногам, а уже ноешь, что затекли. Ладно, давай расчесывай мне волосы.

— Да, госпожа.

Посреди этого размеренного занятия хозяйка внезапно хватает ее за руку.

— Что там хозяин, поглядывает на тебя?

— Нет, госпожа.

— Как это так? Разве он к тебе не приходит? Ночами, деточка, приходит ведь?

— Нет, госпожа.

— Странно. Тогда интересно, куда он там шляется? Возможно, ты права. Вогнали мы его, видно, в смущение, вот он тебя и сторонится.

— Мне с этим что-то сделать, госпожа?

— Да боги упаси. Стыд и вина держат его в рамках приличий. — Она озорно смеется, а затем, уже серьезно, добавляет: — Но если он к тебе придет, ты ему не отказывай.

— Госпожа?

— Ты меня услышала. Этот мужчина твой господин. Не забывай об этом.

В первую ночь луны Гуррандалы она омывается, думая снова отправиться на уличную донгу. После знойного дня вода из бочки тепла даже глубокой ночью. Ни кухарки, ни рабыни здесь не было, так что умывальня пуста; три стенки тремя сторонами выходят на задний двор. Место устроено между амбаром и поварней, что означает многое; прежде всего то, что ни один мужчина не увидит женщину, пока она уединяется. Уж тем более хозяин, которому само положение вменяет никогда не приближаться к поварне или амбару. Госпожа Комвоно однажды сказала это вслух, и с той поры хозяин не приходит в комнату. Это Наниль под утро уходит куда-то в другое место. Хозяйка следит, чтоб в умывальне всё было красиво и по назначению: узор из золотых монет и ракушек, затем опять монеты, затем опять ракушки. Гладкий пол вытесан из камня, а в верхней части средней стены, прямо над головой Соголон, торчит трубка из тонкого бамбука, по которой стекает вода. Она в ней моется дольше обычного, потому что час поздний и все вокруг спят. А закончив мыться, она видит перед собой зрелище. Саму себя.

Кухарка рассказывала, как больше семи лун назад хозяйка приобрела большущее серебряное блюдо, но не затем, чтобы подавать на нем трапезу. Блюдо обосновалось в умывальне, где женщина может вольно себя оглядывать. Соголон не может взять в толк, зачем женщине смотреть на себя во время мытья, но сама сейчас смотрит и еще долго после того, как вышла из-под струи воды, стоит и вдумчиво себя созерцает.

Мисс Азора, помнится, пеклась, чтобы ни в одной из ее комнат не было ничего, способного ухватить отражение, дабы мужчина, не ровен час, не углядел свою неказистость, не возроптал от вида своего дряблого тела либо тяжести своей вины. Но это место, хвала богам, от взглядов мужчин защищено. Поэтому Соголон пристально смотрит. Она приопускает голову, чтобы видеть волосы, длиной почти до плеч, которые она скручивает в пучки. Лицо, по которому она угадывает свой возраст, — правда, гадает не она, а хозяйка.

Кухарка говорит:

— Госпожа, ей наверняка едва ли больше, чем десять и еще один годик.

На что госпожа отвечает:

— Нет, ее ум слишком хитер для кого-то столь юного, но еще груб и неотесан. Чересчур много сердца и слишком мало ума, чтобы дать ей старше полутора десятка лет.

«Тогда десять и еще три», — шепчет Соголон своему мутноватому отражению. В тусклом свете факела разглядеть мало что можно. Силуэт, всё еще малознакомый ей самой, с плечами как у того юного бойца на палках. Узкая талия и узкие бедра — не такие, чтобы обещать мужчине восьмерых детей. Длинные ноги, готовые стремглав бежать без оглядки. Свет факела падает на грудь, смотреть на которую Соголон никогда не видит смысла, хотя часто ловит на ней взгляд хозяйки и подозревает, что та подумывает при этом о хозяине. Жаль, что не получается его вспомнить, или какие разговоры он вел в комнате, пока не уходил в сон.

Что-то прошелестело по двору, отчего сердце чутко подпрыгнуло. Кошка.

Так Соголон стоит и рассматривает себя. Проводит по шее, груди, касается ку и снова думает о словах госпожи. Притрагиваясь к каждому месту своего тела, она как бы спрашивает его: «Чем ты занимаешься? Ну а ты?»

Рабыня Наниль говорит, что ее тело предназначено для множества детей.

Кухарка говорит:

— Эта маленькая шлюшка уже начинает себя проявлять, но госпожа всё не гонит ее из дома, несмотря что хозяин того требует.

— Как так может быть, что женщина перечит воле своего мужчины? — недоумевает Наниль.

— Видать, потому, что воли у него нет. А в Фасиси, когда господа женятся, невеста по желанию может оставаться хозяйкой своему состоянию, так что у хозяина и руки короткие.

Три женщины. Госпожа, кухарка и рабыня. Соголон смотрит на всех троих внутренним взором и думает не столько о том, кто они, а о том, чего они хотят. Госпожа хочет, чтобы однажды пришла какая-то благая весть и она бы смогла вернуться в Фасиси, не потеряв лица. Каждый день она ждет этой доброй вести, прислушиваясь к отдаленному бою барабанов, наблюдая за мальчиками-посыльными, что снуют мимо ее дома;

за голубями, что пролетают над головой, но всё не садятся на крышу. Кухарке подай одно: хлопотать на кухне да подсмеиваться над людьми. Чего хочет рабыня, она не знает. Чего хочет Соголон, она не знает тоже. Может, ей хочется выговориться, без оглядки побежать, взлететь по стене Башни Черного Ястреба, подняться на самый верх и узреть оттуда край света. Она говорит об этом кухарке — надо же хоть кому-то сказать, — а та лишь отвечает:

— Послушай, девочка, это потому, что за тобой нет ухода. Нет матери, которая тебя бы растила.

Соголон слушает, а сама при этом слышит: *матери, которую можно было бы спросить: «Для чего ты меня растишь?»*

Она смотрит на себя и вздрагивает от мысли: эти женщины вызывают в ней радость, что у нее нет матери.

Соголон думает о кошке, которая только что прошелестела через двор и живет лишь для того, чтобы есть да гадить, как хозяин. А у Соголон есть дырка в виде ку, и ему есть что туда засунуть. Детей хозяйка, судя по всему, не хочет, зато прекрасно знает, как они заводятся. У них с хозяином бывают яростные, посвященные этому ристалища, каждую четверть луны или около того. В других случаях хозяин наяривает Наниль до тех пор, пока ей не надоедает и тогда она начинает ему неистово помогать, чтобы всё побыстрее закончилось. Соголон стоит в умывальне уже невесть сколько; ночь становится всё глубже, а темень гуще. Попытки думать о том, чего она хочет, перебиваются мыслями о хозяине. Ей хочется сняться с места, уйти. Она не знает, что бы это значило, но ей хочется уехать отсюда. Хочется, чтобы люди знали ее только по следу.

«Кто тебе сказал, что ты можешь хотеть?» — спрашивает голос внутри ее. Хотеть не может ни одна женщина в Конгоре. Однажды она слышала, как хозяин в гостиной рассказывает другому мужчине, что есть люди, которые бродят по краю Песчаного моря на лошадях и странных зверях и покрывают свои лица тканью, а руки — знаками ведьмы, и иногда мужчины могут любить мужчин, или зверя, на котором ездят, а иногда своих сестер. Ни одну землю там не называют домом, не сажают зерна и не строят хранилищ, и даже когда стоят на месте, всё равно медленно движутся. Вот так и Соголон. Медленно двигаться, даже стоя на месте, — это ей ведомо и знакомо. Она

уже двигалась, бежала, уходила, возникала, исчезала, мчалась, шла, скользила — что это всё, как не движение!

Соголон не блудница; это она скажет любому, кто услышит. Но она подворовывает, и об этом молчок. Покидая мисс Азору, Соголон приносит с собой всё наворованное у мужчин, и едва не каждую ночь, когда Наниль уходит ублажать хозяина, достаёт мешок из того места, где он припрятан. Для этого надо поднять незакрепленную плитку на полу, в углу комнаты, где она спит. Под плиткой лежит кое-что из одежды, а поверх нее тряпка, заскорузлая от застарелой крови.

— Лунная кровь, — шепотом говорит она однажды рабыне, чтобы та или еще кто, кому она скажет, из отвращения избегали притрагиваться к этим вещичкам.

Женщины в Конгоре некоторые странные поверья почитают за правду; например, что если ты прикоснешься к лунной крови другой женщины, то будешь до конца дней бесплодна. А Соголон думает единственно о прожитых днях. С тех пор как она освоила счет дней, затем четвертей луны, самих лун и всего, что за их пределами, она уже ставит себя впереди этого; уже думает, что никто для нее ничего не сделает, кроме нее самой, несмотря на то что сама находится под сенью хозяйкиной доброты. «Доброта» — вот слово, которое использует хозяйка, но не Соголон. Она скорее под сенью господского удовольствия. «Удовольствие», да, так будет точнее.

Жаркая ночь донги. Демоны жары, что прогоняют дождь и покрывают трещинами речное русло, обрушиваются на город еще до рассвета, а к полудню испариной покрываются даже дороги. День из тех, когда звери либо падают, либо бегут к мутной грязной воде, где людям больше ничего не остается, кроме как сидеть в тени и проклинать, что тень не блокирует вид незримого огня, от которого глаза у стариков закатываются под лоб и жизнь покидает их. Ночь не приносит ничего, кроме непокоя, потому что с уходом света зной не спадает. Хозяйка уходит к своей сестре, а хозяин забывается сном только после того, как кухарка обтирает его настоящей на листьях водой, которая за несколько недель настоя стала терпкой подобно вину. Остальная часть дома перебивается как может. По-настоящему никто не спит, но все заняты только собой и больше никем. Девочка заворачивается в одеяло и выходит через пе-

реднюю дверь в ночь, борясь с густым супом мутного воздуха, сквозь который бредет как в полусне.

Соголон занимает свое место. Пот струится по ее лицу и тунике, меж ягодич и вниз по ногам, вызывая опасение, что она сейчас истечет ручейком. Люди в истоме вытирают пот, что заливает и слепит глаза, и вся площадь дышит тяжким духом озлобления. Проходят три боя, два в стиле, именуемом «конгори», и один в «западном». Западный стиль ей по нраву меньше всего. Двое прыгают в круг и атакуют, хлеща и молотя, рубят и лупят, не применяя ничего кроме силы, пока тот, кто слабее, не хватается за окровавленный лоб и переключается с нанесения ударов на глухую защиту. Тот, что крепче, продолжает лупить, пока слабый не перестает ставить ударам преграду — и шевелиться. Тогда донга затихает, проигравшего утаскивают, а из угла раздается победный рев. Заметно, что крепыш выигрывает каждую ночь. Но приветствуют его только в одном углу, оттуда бегут, чтобы схватить его, усадить себе на плечи под радостные возгласы и крики. Вот из толпы выходит человек, которого Соголон прежде никогда не видела, и порывисто идет к центру площадки. Соголон, вопреки рассудку, подбирается ближе.

На мужчине синяя юбка, завязанная высоко на талии и ниспадающая ниже колена, его головной убор — львиная грива. Он гордо стоит и вещает на языке, которого Соголон не знает. Вот она уже ближе, среди каких-то мужчин в более темной части площади; при этом она по-прежнему с головой плотно укутана одеялом. Обратно в круг выскакивает крепыш и машет толпе, заводя, но крики и вопли доносятся только из его угла. Новый человек качает головой и скалится в улыбке. С собой у него две палки. Одна длинная, которую он держит посередке, другая покороче.

Крепыш кричит, что палок может быть хоть девяносто и девять, но поражение всё равно будет одно. В середину бросается судья, но крепыш отталкивает его с дороги, секунда — и он уже с воем колотит того нового. Хрясь, хрясь, хрясь, вверх, затем вниз по смельчаку, а тот блокирует удары одной рукой. Если только блокировать, то это приводит к проигрышу, но новый лишь смеется, будто выигрывает. Вот он раскручивает палку так, что она расплывается, и каждый удар крепыша

отскакивает и бьет его рикошетом по лицу, иногда по губам. Тот сердчает, бранится, хлещет с размаха, больше наугад, но смельчак блокирует, отпрыгивает и снова блокирует, и при-танцовывает. Крепыш взбешенно набрасывается и тут получает встречный удар по лицу, прямо той укороченной палкой, прямо по скуле у рта. Крепыш плюется кровью и, оторопело качнувшись, снова бросается в бой, быстрыми взмахами ударяя по земле, поскольку в основном промахивается. Новый герой прыгает, кружится, танцует вокруг него как назойливый комар. Крепыш тоже пытается крутиться, но уступает и дважды падает. Новичок поворачивается спиной и с видом победителя поднимает руки к толпе, и та ревет и беснуется, будто в самом деле признавая его победу. Слева от себя Соголон видит парня, который на нее пялится. Новый победитель впитывает аплодисменты, как земля впитывает жару.

— Ты летом в одеяло кутаешься? Жары, что ли, мало? — спрашивает какой-то вислогубый угрюмец, но она не отвечает. — Или ты для них приз? — не унимается вислогубый. Соголон молча отстраняется.

Новичок по-прежнему раззадоривает толпу, а толпа, как известно, любит тех, кто ей глянется. Крепыш меж тем встает. Даже Соголон думает: «Будь как лев в буше, дурень». Но крепыш, как видно, крепок в основном телом, а не умом; он с рыком бросается вперед, а новичок стоит и не двигается. Крепыш несется с палкой наперевес, как с копьем. Соголон ахает. Новичок даже не оборачивается, а стоит до последней секунды, после чего молниеносно падает наземь и сует свою короткую палку крепышу между ног.

Крепыш жестко падает на подбородок и не двигается. Шум, крики, улюлюканье, но он так и не шевелится, и свои оттаскивают его в угол. Никто, кроме Соголон, не слышит, как он орет, что не может пошевелить ничем ниже шеи. Она отходит, но видит, что за ней теперь увязался тот вислогубый. Соголон срывается на бег и мчится по проулку, ныряет там направо, а затем влево, уже в другой проулок.

Дом встречает ее тишиной. Хозяйка еще не вернулась от своей сестры — видно, заночевала. Хозяин от своего лица, должно быть, возблагодарил богов за то, что ложе нынче принадлежит только ему. Но Соголон так возбуждена своим ночным

похождением, что сон ее не берет. В господском доме всего четыре двери: парадный вход, супружеская спальня, затем еще задняя дверь и хозяйская библиотека.

В спальне Соголон бывала уже не раз и успела изучить ее досконально — ничего особо интересного там нет, — а библиотеку как-то обходила стороной, но сейчас ночь, все спят, можно и зайти. Просторное пустоватое помещение, похожее на любую другую комнату в доме; вокруг всякие ткани и занавеси, пуфы и табуреты. Возле одного окна что-то накрыто белой тканью. Соголон известно, что это: кухарка говорит об *этом* всякий раз, когда желает, чтобы ей улыбнулась удача.

Соголон проводит рукой по холщовому покрывалу. Ладонь прижимается к скрытому под ней предмету, и сердце пугливо падает при мысли, что это может быть затаившийся неподвижно зверь. Соголон хватается за покрывало обеими руками и стягивает его. Кухарка рассказывала, что хозяин держит в доме *мбеле*. Завидя его, она отшатывается, потому что он в самом деле имеет сходство с животным: четыре мелкие кривые ноги, подпирающие округлое тумбовидное основание, как у молодого бегемота. При более близком рассмотрении ножки больше похожи на табуретные, но форма всё равно схожа с туловищем животного. У *мбеле* есть горб на спине и шишка на передней части, имеющая вид головы; голова эта покатаая, как бугор, без каких-либо признаков звериной морды. *Мбеле* толст, с грубой шкурой, напоминающей потрескавшуюся под солнцем грязь или старую лысую кожу. Это не похоже на статуэтки, расставленные по дому, на фетиши или на тело божества в облике зверя. *Мбеле* выглядит так, словно некий бог был в процессе творения, но не завершил его. Судя по тому, с каким благоговением перешептывались о нем рабыня с кухаркой, Соголон ожидала, что это будет блистательно и ужасно — может быть, именно потому она к нему и притрагивается.

— Сила от него может тебя ослепить.

Соголон, крупно вздрогнув, отскакивает, но бежать ей некуда. В дверях стоит хозяин. Она склоняет голову и робко кланяется. Хозяин входит, не глядя на нее.

— Или поразить тебя безумием за одну лишь мысль ею воспользоваться.

Он подходит прямо к *мбеле* и поглаживает ему горб.

— Впервые здесь появившись, мбеле имел вид не более чем куска дерева, завернутого в ткань. А посмотри на него сейчас, а? Десять и еще девять лет приношений богам. Глина, песок, грязь, дерьмо и еще кое-что, о чем приличный язык даже сказать не поворачивается, — произносит он и смеется.

Это первый раз, когда хозяин вообще с ней заговаривает, и Соголон понимает, что лучше ничего не говорить. Даже просто «да, господин».

— Я... Я...

— Вот видишь. Ты воровка, была и есть.

— Нет, мой господин.

— Не хочешь ли ты умыкнуть для себя мбеле?

— Нет, мой господин.

— Ты ведь даже не знаешь, что это такое. Да и зачем оно тебе? Что значит предмет силы для того, у кого ее нет?

Хозяин снова его поглаживает.

— Попробуй уяснить своим скудным умом, — говорит он. — Ньяме¹ мира, что входит и выходит из твоего носа при дыхании, что приносит дожди и засуху, дарует жизнь и забирает ее — всё это сосредоточено в мбеле. Боги смотрят на это и сжимают до нужного им размера, как гончар сжимает глину. Это сохраняет в безопасности дух, понимаешь? И это же удерживает ньяме для людского сообщества.

— Это не сообщество, а ваш дом, — говорит Соголон. Лунный свет падает на нахмуренный лоб хозяина.

— Не всё заслуживает принадлежать всем, — усмехается он. — Поди сюда.

Соголон немного смещается к двери, но останавливается.

— Я не повторяю команд в своем собственном доме, ты меня поняла?

Соголон идет, но останавливается, когда ее нога касается ковра, на полути от его пальца, манящего подойти ближе.

— Как получилось, что я мог быть с тобой, если я тебя не помню?

Соголон не отвечает.

¹ Ньяме — слово, в ряде африканских культов обозначающее имя бога; «всеведущий, всемогущий небесный бог».

— Ты здесь уже так много дней как ручная зверушка моей жены, что, наверное, позабыла: блуд — главное твоё ремесло. Как тебе, должно быть, повезло, что ты покинула мисс Азору прямо перед тем, как кто-то ворвался к ней в дом и убил ее, сломал шею, как какую-нибудь веточку.

Соголон тихо ахает. Она и не знала, что именно случилось с мисс Азорой в ту ночь, а спросить было не у кого. Хозяйке явно нет дела до того, что вытворяет её цепное чудовище.

— Ты та, кто хочет предстать перед мбеле. Так войди ж в его присутствие.

Соголон возвращается туда, где стояла перед тем, как он вошел. С той поры луна сместилась и теперь серебрит изваяние своим задумчивым светом. Хозяин велит ей прикоснуться к горбу на кожистом выросте. Пальцы оттуда возвращаются влажными.

— Козья кровь по всей спине, а ещё куриная. Ты понимаешь? Ты не можешь добавить сюда ничего, что не было бы жертвой. Чтобы взять что-то от него, ты должна ему дать, а что ты ему дашь, ты должна взять у себя. Что ты собираешься к этому добавить? — спрашивает хозяин.

Соголон смотрит расширенными глазами.

— Думаешь, твой взгляд и есть ответ? — усмехается он.

Она поворачивается обратно к мбеле. Хозяину она говорит, что могла бы отлучиться в поварню и вернуться с несколькими орехами кола, которые пожует и плюнет ими на мбеле; говорят, некоторые боги воспринимают это как подношение.

— Эти орехи куплены на мои деньги. Как это может считаться твоей жертвой? — ворчливо спрашивает он. Соголон отступает от мбеле, и хозяин отступает на шаг вместе с ней.

— Всё, что заботит твою госпожу, это чтобы её снова призывали ко двору, понимаешь? Всё, ради чего она живет, это чтобы однажды королевский дом Акумов явил к ней благосклонность. Не важно, что отвержены мы именно из-за её ядовитого рта.

Соголон берется за ткань, чтобы прикрыть фигуру мбеле.

— Оставь так. Иди вон.

Соголон поворачивается, чтобы как можно скорее уйти.

— Постой, — велит хозяин. — Ещё кое-что. Вода для мытья снаружи, у амбара. Не входи сюда больше, когда от тебя несет донгой.

«Не подавай виду, что тебя трясет. Тебя трясет, но не подавай виду», — стиснув зубы, снова и снова внушает она себе.

— Взгляни на меня и на мое расположение. Я ведь с тобой, можно сказать, даже добр. В первый раз, когда ты отправилась, я последовал за тобой. А может, это было уже во второй раз, в третий или даже в десятый? Первое, что шепнул мне мой разум: «Посмотри на эту сучонку, как она изнывает от желания утолить свою похоть». И гляди-ка, где я тебя нахожу! Теперь мне даже не нужно за тобой следовать — тыходишь сюда, воняя мужиками.

Соголон стоит, замерев, и не оборачивается.

— Тебе нравится наблюдать, как мужчины набрасываются друг на друга, словно дикие псы? Это то, что тебя возбуждает, девочка? Любопытно, как на тебя воздействует мужчина, на котором нет ничего, кроме его самого?

Соголон не оборачивается.

— Я тебе сказал: убирайся.

Она не успевает сделать и пяти шагов, как ее сзади сбивает удар по затылку. Хозяин сбрасывает свой резной амулет, а затем кидается на нее, не давая опомниться, хватая за плечи и рывком переворачивает на спину. Голова чудовищно кружится. Хозяин что-то говорит, но изо рта выходит подобие рычания.

Голова Соголон откидывается назад в ту секунду, когда он хватается за ее нагрудную повязку, чтобы сорвать. Ему не удается, и он яростно дергает снова и снова. Соголон пытается его оттолкнуть, но он дает ей пощечину. Она задыхается, думает закричать, но он хрипит:

— Закричишь, сучка, вышвырну на улицу еще до восхода солнца, ясно?

Она поджимает ноги, но он, одной рукой сдавливая ей шею, с помощью другой руки и ног силится раздвинуть путь к низу ее живота. С измученным хныканьем она вырывается и высвобождает руку, чтобы расцарапать ему шею. Он снова с рыком ударяет ее по лицу. Удар оглушает, и довольно надолго. Она всё еще вяло пытается его оттолкнуть, перевернуться, но он уже задирает на себе ночную рубаху, выпрастывая наружу свой стержень.

— Не противься, передо мной тебе не устоять, — самодовольно говорит он и вонзается. Соголон зажмуривает веки

и изо всех сил думает о чем-нибудь самом громком, самом диком, самом необузданном.

Буря с изжелта-серыми тучами, бурлящими как коровье молоко в кофе. Ливень, что раздражается и затапливает пастбище. Ветер, который вначале свистит, затем воет, затем уже вопит, а затем сметает прочь деревья, дома, землю, синь неба, грязь и Башню Черного Ястреба, срывая с фундамента статую и запуская каменную птицу в полет.

Открыть глаза ее заставляют звуки немощного кашля. Ветер, шепчущий демон, взлохмачивает на табурете бумаги, вздымает парусом наброшенный на изваяние холст, после чего мягко опадает и проскальзывает мимо фигуры мбеле, ускользая через окно.

Прямо напротив распластался хозяин — голова под потолком, спина притиснута к стене, ноги раскинуты в стороны. Руки подрагивают, цепляясь ладонями за воздух. А грудь ему пронзает обломок балки, острый как наконечник копья.

ТРИ

В *ezila nati*. «Они скорбят вместе с нами». К вечеру следующего дня старшая сестра госпожи Комвоно откладывает множество дел, завершения которых от нее ожидают боги, и предлагает свою щедро открытую грудь своей скорбящей сестре. Эта сестра приземиста там, где хозяйка высока, и толста спереди, как хозяйка сбоку, так что любой, кто посмотрит на нее, скажет: «Хвала богам за то, что они благословили тебя еще одним ребенком». У хозяйки детей нет, поэтому сестра производит на свет аж девятерых, все мальчики — старший чешется головой о дверную притолоку, младший оставляет детскую неожиданность в любой из комнат, куда заходит. Трое из шестерых ревут, двое из троих орут, восемь или девять верещат, четверо или пятеро хохочут, и по крайней мере десять раз сердитый голос им кричит: «А ну хватит!»

Все это помимо горя — однако каждому в доме сестра хозяйки дает понять, что прибыла, дабы разделить бремя скорби своей сестры. А какое это бремя, известно одним богам, ибо только они знают, насколько тяжело она загружена. Вот почему она каждый день требует фуфу¹ как из батата, так и из подорожника; три вида супа, по утрам двух цыплят, а также свежую козлятину и пшеничную кашу, потому как все ее мальчики, кроме одного, вкус сорго на дух не переносят. И не вздумайте подавать это слишком горячим, иначе схлопчете оплеуху, или чересчур холодным, иначе вас ущипнут — чтобы еда была, по словам кухарки, «тепла детских ссанок», и тогда

¹ Фуфу — традиционное блюдо Западной Африки; жидкая паста или каша из корнеплодов, с добавлением различных специй.

все вдесятером будут счастливы, что и вправду так. Сама же хозяйка не ест ничего.

Госпожа Комвоно была второй, кто увидел тело после того, как рабыня на рассвете, прокравшись из комнатки при поварне в библиотеку, где у них обычно происходят встречи с хозяином, вдруг своим визгом всполошила весь дом. Хозяйка по приходе домой от сестры, где было прохладней, но невыносимо шумно для сна, когда все девять чад просыпались по очереди и задавали ночи жару, тотчас направляется в комнату, откуда слышны вопли, надеясь застать своего мужа за чем-то ужасным, на что у него хватает смелости только в ее отсутствие, чтобы затем ему это предьявить. Кухарка и мальчишки-близнецы подоспевают как раз вовремя, чтобы схватить госпожу за руки, пока она не грохнулась в обморок. Госпожа Комвоно визжит, голосит, плачет, воет, плюется и смеется над своим мужем — и всё это в манере, неподобающей благородной даме. Так говорит кухарка, замечая, что всего луну назад сама госпожа сказала бы примерно то же самое о ком-нибудь другом.

С обнаружением господского тела кухарка берет на себя верховодство всеми делами по дому, без указаний госпожи этим домом заправлять. Конец суете наступает в полдень, когда прибывает сестра госпожи с криком: «*Что там с моим шурином?!*» Хотя никто в доме не помнит, чтобы ей посылались хотя бы весточка. Первое, что делает сестра, именующая себя «дамой госпожой Моронго», — распоряжается, чтобы тело перенесли из гостиной в одну из задних комнат, куда никто обычно не захаживает. В конце концов, не держать же покойника в семейных покоях, тем более что в нем дырка.

Госпожа Комвоно большую часть дня проводит в постели, и ей не хватает воли сказать своей сестре и девяти племянникам, чтобы они молчали — вы, мол, нарушаете мое горе. Кухарка начинает беспокоиться о том, что ее госпожа ест всё меньше и меньше, а через два дня хозяйка вообще перестает принимать пищу.

— Ай-ай, какой конфуз, — сокрушается ее сестра и добавляет: — Ну, раз так, дайте миску поглубже моему средненькому. Он вечно обойден вниманием со стороны старших и младших, так пусть хоть еда не пропадает даром.

В ту ночь кухарка идет к хозяйке проведать, не захворала ли та от горя, и застаёт ее крепко спящей, но не на супружеском ложе, а на полу. Думая, что госпожа упала, она спешит ее разбудить и поднять обратно на кровать. Но хозяйка отбивается и говорит, что на полу прохладней.

— Но в комнате и без того нежарко, госпожа, — замечает кухарка, — зачем вы ищете, где еще холоднее?

Она смотрит на пол и видит там подголовник и всякое белье, разложенные в виде постели.

— Там на кровати дух, — отвечает госпожа Комвоно. — Кончина была нехорошей, и теперь он у меня в постели. Простой ночью даже залез мне под ночную рубашку.

Кухарка выходит за рамки своего положения и говорит, что, возможно, ей, должно быть, лестно сознавать, что даже с того света ее супруг по-прежнему испытывает к ней столь неистовое желание, на что хозяйка отвечает:

— Я не говорю, что это был он.

На следующий день сестра вразвалку заходит в поварню и, обмахиваясь веером, спрашивает, что теперь делать: бедная женщина разговаривает сама с собой. Один из близнецов говорит:

— Может, она так общается с предками? Наверно, беспокоится о безопасном переходе своего мужа. В смысле, в потусторонний мир.

— Именем богов больших и малых, кто позволил этому недоростку разговаривать со мной? — негодует сестра.

— Это колдовство и магия, — говорит рабыня, и эта мысль поселяется в доме.

Кухарка заявляет, что ни за что не оставит хозяйку в беззащитном состоянии, потому что такая неверность выйдет ей боком и отравит поиск новой работы. Рабыня не может уйти, потому что принадлежит семейству Комвоно. Мальчики-близнецы просто отказываются уходить, хотя спят даже не в доме — вместе с лошадьми, а Соголон некуда податься. Библиотеку закрывают сразу вслед за тем, как близнецы перетаскивают хозяина в гостиную. Каждый на свой лад ждет дурных знамений и зловещих чудес, но ничего не происходит.

Никто не звал, но является судья с двумя помощниками, вид у которых такой, будто их яйца давно облысели, но они всё еще

ждут там волос. Хозяйка с ними разговаривать не в настроении, ограничивается фразой, что имя Комвоно уж наверняка дает ей уединение, чтобы оплакать мужа. Кухарка не в настроении смотреть, как незваные гости переворачивают всё в доме вверх дном, особенно когда первое из их деяний — нечаянно опрокинуть *боле*, а потом чесать в затылке, почему он не разбился.

— Ладно. Преступление — не лодка в ночи, — бодрится судья, — незаметно мимо не проплывет.

— Хорошо, тогда изловите демонов, что пригвоздили его под потолком, и прогоните их, коли уж вы такие въедливые, — говорит ему кухарка.

Всем в этом квартале известно, что судья настолько же труслив, насколько глупы его помощники.

— Я с этим домом еще не закончил, — объявляет он, хотя с ним самим всё явно кончено, потому как больше он ни разу не объявляется.

Еще через пару дней съезжается родня со стороны жены и мужа — числом столь великим, что дом разбухает и лопается; кое-кому приходится искать жильё поблизости, а другие клянут всё и вся, грозясь уехать домой. Дама госпожа Моронго причитает, охает и раздает проклятия, ведь единственное, о чем она печется, это благополучие сестры, а эти поналетели будто нелюди: тащат всё, что плохо лежит, жрут как не в себя, спят так густо, что ступить негде. Но голос дамы госпожи в доме теперь тонет, так она жалуется кухарке. У госпожи Комвоно общим счетом три сестры, и все прикатывают со своими большими семьями, а у хозяина помимо трех сестер еще и три брата, которые являются с целым сонмищем детей и внуков. Это ошеломляет кухарку, которой приходится звать на подмогу двух женщин, прежде в доме госпожи Комвоно никогда не бывавших.

Семья хозяина явно отличается от семьи хозяйки. Тут-то становится ясно, что они — род древний, потому что подобающим образом держатся. Ходят с высоко поднятой головой, как будто не смотрят вниз даже затем, чтобы посчитать деньги; несмотря на всюду расставленные табуреты, сидят на корточках. Все, как один, поджарые и все с хитрецей, как хозяин, будто что-то утаивают, даже друг от друга. Старший брат, притащивший с собой пятерых детей, уже взял на себя проведение

обрядов. Младший, ни с кем не советуясь, решает, что хозяин умерщвлен через колдовство, и едва найдя рабыню, тащит ее прямо на середину двора, чтобы пороть, пока не сознается. Одному из близнецов он велит связать ее травяной веревкой, несмотря на брыкания, мольбы и выкрики.

— А ну признавайся в ведовстве! Признавайся, кому говорю! — орет он.

Он дважды ожигает ее хлыстом, пока сестра не кричит ему, чтобы он остановился. Брат орет, что это мужское дело и нечего сюда соваться, на что сестра заявляет, что это дело для мужчины с умом, а он его за годы ни разу не проявил.

Брат хватает палку и идет к своей сестре, будто думая поколотить и ее.

— Да мой муж тебе хребет одной рукой ломает, кусок ты собачьего дерьма, — говорит та вполне громко, так, что слышит весь дом, которому сейчас особо нечем заняться. Многие встают.

— Но у кого еще есть причина идти против своего хозяина, кроме рабыни? — спрашивает брат и хмурится. Он всё еще думает отыграть себе победу в споре. — Вон та девчонка-палка? Она, может, знает колдовство?

— Колдовство? Да малышка даже читать не умеет, — поддевает его сестра.

— Вы что, думаете, брат сам пронзил себя? — продолжает дознаваться младший, показывая, что он здесь, похоже, единственный, кто обеспокоен сомнительной смертью своего брата. — Может, вы тут все хотели, чтобы он умер? — горько язвит он.

— Может, мы ждем расследования судьи, братец.

— Судья уже приходил и ушел. Об этом на всех рынках судачат.

— Тогда, может, он это дело и решит.

— Вопрос пока без ответа, сестра, — говорит он.

— Если ты всё еще не понял, что она делала в библиотеке твоего брата до того, как петушок прокукарекал, то неудивительно, что у тебя всего одна лялька.

— Должно быть, сестрица, ты это по своему опыту кувыркания говоришь, коли думаешь, что это стало причиной его смерти. Кого же он пёр, летучую мышшь?

Брат отпускает рабыню, но никак не вопрос. Требуется не так уж много времени, чтобы по улице разнеслась весть о том, что в доме Комвоно обитает нечистая сила. Особенно когда слух пускается с легкой руки младшего брата.

— Одна из тех сук в доме занимается черной магией, — говорит он столбу, который спьяну принимает за молчаливого собеседника. — Убери от меня свою вонючую лапу, — одергивает он одного из близнецов, который пробует его увести.

За счет умершего брата он созывает в дом жрецов фетиша и оракула ифы¹. Они подметают библиотеку вначале глазами, затем метелкой, собирая пыль, клочки бумаги, завалившиеся монетки и вообще всякий безымянный сор, на котором могло высохнуть то, что излилось при соитии мужчины и женщины. Не забывают и про засохшую на полу кровь.

Также они отрезают клочок волос Наниль и просят что-нибудь из ее одежды, но у нее есть лишь та туника, что на ней. В придачу они забирают несколько драгоценных книг хозяина, не поясняя даже зачем. Библиотека — единственное помещение, в котором нет людей. Когда братья решают, что пришло время умкафо², младший, чертыхаясь, говорит:

— Что толку посылать весть предкам, если никто не может им сказать, где его душа или куда она направляется?

— Тогда не произноси и речей на обрядах, — говорит старший брат, и мужчины покидают дом.

А Соголон тем временем обретается в амбаре, подальше от людских глаз. Никто ее не зовет и потому не видит темной опухлости под ее глазом. Свою циновку она постелила в уголке таком укромном, что уместаться там можно, лишь свернувшись калачиком, как младенец. Здесь она натягивает платье себе на голову, нижнюю часть тела отдавая мухам и колким зернам, отчего оно немилосердно чешется. Никому она не нужна, а в особенности хозяйке, которая не покидает своей комнаты и лежит на полу.

Из заточения ту выводят только сестры, которые изредка врываются в комнату с двумя ушатами воды, говоря: «Не хо-

¹ Ифа — магическое знание обо всех вещах во Вселенной, в прошлом, настоящем и будущем.

² Умкафо — погребальный обряд с целью сохранить связь между умершим и потерявшими его живыми, чтобы он мог затем вернуться и общаться с ними как предок.

чешь вообще ничего? Пожалуйста, коли ты так решила, но сначала ты у нас помоешься!» Сестры и невестки хватают ее, как лесную дичь, и раздевают, а та бьется и кричит. Всё, что остается Соголон, рабыне и кухарке — безропотно смотреть, пока они не закрывают дверь, чтобы ни один мужчина или женщина низшего сословия не видели, как нечистота и горе принижают женщину.

На восьмую ночь Соголон вскакивает как от толчка. Она переворачивается на спину и выглядывает в окно. Дом полон, но все в нем спят. Сон срывает всех, даже обезумевшую от горя хозяйку, но не Соголон.

Вон она, выходит из амбара во двор и видит, что спят даже куры. Если пробраться коридором на другую сторону, пригнувшись там под окном поварни, то попадаешь к тем же воротам, куда выходит задняя дверь и оттуда можно бежать. *«Бежать, но куда?»* — спрашивает в голове сторонний голос. *«Бежать не куда-то, а от чего-то»*, — говорит еще один. *«Бежать, пока они не выяснили. Бежать, потому что скоро они узнают»*. Снаружи проскальзывает ветер подобно шепоту на диковинном языке, подслушанному из другой комнаты. Он чем-то похож на хихиканье, затем кудахтанье и, наконец, на рычание, и вот она чувствует, как вокруг начинает шевелиться грязь и дрожать зерно. Грохот, треск, от которых зевом открывается воронка и поглощает Соголон целиком.

Просыпается она оттого, что ей трудно дышать. Соголон закашливается в темноте. Она лежит на циновке в амбаре и видит, как рыжеватым огоньком оживает поварня. Рассвет. Только тогда Соголон вспоминается, что заснуть она не может не по своему хотению, а потому, что не осмеливается.

Вскоре после полудня на дворе появляются мужчины с несколькими старейшинами и коровой. Корову забивают прямо там же, на дворе, давая крови течь куда она захочет; возможно, это послание от бога суда и мести. Младший брат указывает на струю крови, бьющую в сторону кухни, и говорит:

— Я уже устал вам доказывать, что колдовство исходит оттуда.

Но мужчины за своим занятием его не слушают.

После того как корова забита, ее кромсают на мясо, рубят кости и варят всё это в трех котлах без соли и специй. После

этого каждый, связанный с покойником узами родства или закона, ест. Люди сидят на полах в доме, на дорожках, на земле двора и снаружи на улице. От ужасного вкуса они шипят и хмурятся, но помалкивают из боязни разгневать предков, которые сейчас наблюдают и судят как живых, так и мертвых. Кухарка, рабыня, слуги и Соголон просто наблюдают.

Тем же самым днем между женщинами вспыхивает перепалка.

— Усмирите ваших чад, не гневите духов, — требуют сестры госпожи, у которых детей поменьше, даже если сюда приплюсовать даму госпожу Моронго с ее девятью.

— Это мы-то — «усмирить»? Да это ваши самые громкие, самые взбалмошные, самые избалованные и драчливые! — отвечают им женщины Комвоно, сестры и невестки хозяина.

Дама госпожа Моронго взывает к порядку, говоря, что покойный еще не ушел, а когда он несет послания предкам, его поведение привлекает духов. Кроме того, всем известно, что злые духи любят кучковаться именно на похоронах. На что сестры хозяина отвечают:

— Вы все такие же тупицы, как ваши мужья. Да зажгите в каждом окне по фонарю, и никакие злые духи сюда не сунутся, вот и всё.

Тогда дама госпожа Моронго, подбоченившись, встает перед сестрами и невестками Комвоно и, шаркнув по грязи ногой, как лошадь копытом, громко фыркает.

— Это кто здесь тупицы? Да у вас еще волосы где положено не проросли и титьки не вспухли, когда ваш брат женился на деньгах и собственности моей сестры! — восклицает она. — Комвоно легендарный клан воинов, но те войны давно закончились.

Это больно задевает всех Комвоно, потому как громкое имя — это всё, что у них есть.

— Вы все просто боитесь, что у ваших детей есть глаза, которыми они могут видеть то, чего вам не разглядеть, — язвят они.

Сестра, глянув через двор, замечает Соголон и окликает ее — в первый раз, когда кто-либо из родни с обеих сторон обмолвился с ней хотя бы словом.

— Эй, ты! Да, ты, вся в зерне, которое мне скармливает эта стерва кухарка. Сколько тебе годков?

Соголон растерянно стоит возле амбара, чувствуя на себе взгляды, и не знает как быть.

— Вы это мне, госпожа?

— Ну а кому ж еще, чудная? Сколько тебе лет?

— Десять и еще три, госпожа.

— Хм. — Она дает этому вопросу умереть, прежде чем перейти к следующему. — Получается, ты еще дитя. Скажи-ка мне, детка, скажи всем этим драгоценным мудрейшим дамам, ты не замечаешь здесь по ночам каких-нибудь духов? Тебя кто-то из них беспокоит?

Соголон внимательно оглядывает сестер и невесток, родственников по линии хозяина и хозяйки, не разбирая, кто из них кто. Четверо с одной стороны, трое с другой, и все похожи друг на друга больше, чем хозяин с хозяйкой.

— Нет, госпожа, никого не вижу, — отвечает она.

Хотя всё, что она делает, это наблюдает. А затем смотрит за самим своим наблюдением; всматривается вплоть до выявления корневой сути того, что подчас не ее ума дело. Так, через два дня она узнаёт, какой брат и какая невестка, какая сестра и какой зять меж собой ближе, чем те или иные супруги в своей венчанной жизни. Всё свое время она проводит, глядя наружу, и в этой по-прежнему прибывающей толпе всегда отыскивается кто-то новый, кого можно понаблюдать и поизучать своим внутренним взором. Однако для нее эта причина не основная. Уже через два дня больше ничто не вызывает в ней любопытства ни к этим людям, ни к их миру, и всё же она не спит ночами до рассвета, а в дневную пору чувствует себя вялой.

Соголон приглядывается к себе в предвкушении перемен, потому что знает, что они грядут. Может статься, они уже здесь, изменения в ее голосе, походке, мимике, когда люди задают ей вопросы. Ей неизвестно знание, что находится в одной комнате, видеть, как смерть приходит и уходит, унося чью-то чужую жизнь, тебя в каком-то смысле пятнает, метит. Это ощущается ею иначе. Иногда возникает тяжесть, подобная той, что случается с ее телом раз в две четверти луны, лунная кровь. Хотя не совсем так — оно наваливается как быстрая болезнь, задерживаясь дольше, чем хотелось бы, а затем уходит по своему усмотрению. Соголон не может описать этого даже себе самой. Не жар, но ощущение, что тебе медленно обжи-

гает голову; не боль, но что-то определенно саднящее, больше похоже на беспокойство, гнусное, неотвязное. Редкостно неудобная штука, когда не можешь решить, мысль это или чувство. Словно что-то сидит в затылке, примерно как в первый раз, когда кто-то дал ей кофе. Да, пусть будет кофе. Неловко сравнивать с чем-то настолько легким, но с чем еще? Ночами оно усугубляется; голову охватывает сбоку, зябко проходит по плечам и дрожит на кончиках пальцев, вызывая желание разрезать кожу и выбраться из нее. Этого хочется так сильно, что, кажется, Соголон готова содрать ее с себя как шкурку плода. Только так она и может думать об этом; о ползучем жаре, который не жар, о боли, которая не боль, о безумии, которого, собственно, и нет. Просто это... да кто ж его знает. Никакие размышления не проливают на это свет. Соголон видит в поварне огонь и дерзко думает, а не сунуть ли в него руку — не чтобы серьезно обжечься, а причинить себе примерно такую боль, чтобы этот ночной ползучий побег, как она стала его называть, уполз восвосяси. Вышибить клин клином, так сказать. Когда братья забывали ее покормить, голова иной раз взлетала в неизъяснимой муке, словно злясь на саму себя, и всё, что оставалось делать, — лупиться головой о стенку термитника, опять и опять, пока одна боль не одолевала другую, и тогда, случалось, пропадали обе. Ползучий побег в голове вызывает острое желание от него избавиться. Но нет, она знает, что это не пройдет никогда. Оно является к ней из вечера в вечер и лишает сна, иногда утром, за собиранием зерна или при виде одного из братьев хозяина, а то и просто без причин — например, когда она замечает у себя в тунике дырку или видит закат не с оранжевым, а с багряным оттенком.

Девочка отсчитывает дни. Разум возвращает ее в библиотеку, где она касается *боле* и отводит руку, измазанную козьей кровью и куриной тоже. Разводы крови стекают по стене. Взгляд кочует туда, откуда он пришел, затем в сторону, вверх, и постепенно, как сквозь туман, перед взором проступают его ступни, голени и затем ночная рубашка. Из груди торчит заостренная балка, руки раскрыты широко, как для объятий, и неподвижные глаза, безжизненно устремленные куда-то вдаль — смотрят, но не видят. Соголон слишком напугана, чтобы назвать его по имени или позвать на помощь. Она пово-

рачивается к проему, а он заходит нахмуренный, томясь желанием сделать свое дело и надеясь, что она уйдет прежде, чем он будет вынужден ей приказать. Он входит и замечает ее. «Ты воровка, была и есть», — бросает он с презрением. И вот он уже, распластанный, висит на стене. Его пустые глаза заставляют Соголон задаться вопросом, что он наметил на тот день, что собирался делать с восходом солнца, как сейчас, где бы он был около полудня. Когда человек гибнет, ты убиваешь и его будущее тоже. Хотя она никого не убивала. Ей нужно было выйти из комнаты и вернуться обратно, стереть каждый свой шаг, сделанный там, отменить свое присутствие. Но, не дойдя до дверного проема, Соголон снова останавливается.

Хозяин, скованный неподвижностью. Соголон гадает, что же ее ждет в конце этого дня, как вдруг у неживого подергивается левая нога, затем правая. Затем он приподнимает голову и пытается закричать, но изо рта изливается кровь, густая как мед. Голова конвульсивно дергается, руки судорожно трепещут. Соголон бежит.

Снаружи во внутреннем дворе, прямо возле входа, она всем телом подается вперед, и ее начинает неудержимо рвать; выташнивает всё дочиста, и всё равно продолжают рвотные спазмы. Близится рассвет, ничто не может задержать наступление следующего дня. Соголон, едва желудок более-менее успокаивается, спохватывается, что скоро появятся люди, которые никогда не пробуждаются раньше ее, но всегда встают первыми, чтобы улизнуть и заняться кое-чем с хозяином, если тот сам не приходит за этим ночью. Соголон спешно ногами набрасывает поверх блевотины грязь и бежит обратно внутрь. Там она прокрадывается к своей постели и укрывает простыней пыльные ноги. Отвернувшись от рабыни, Соголон смотрит туда, где пол сходится со стеной, и ждет, когда рабыня зашевелится. Вот она тихонько отряхивает пыль с ночного белья, пытается бесшумно пройти к лохани с водой в поварне, опускает руку в воду, не желая, чтобы слышались всплески, и обнюхивает себя; нюхает еще раз, под мышками, и вытирает их, а за ними грудь, ноги и ку; прихватывает свою постель, сворачивает ее и подходит к шкафу, осторожно открывает створку до первого поскрипывания, закрывает, выходит на цыпочках из комнаты. Ее неслышная поступь становится еще тише по мере

того, как она отдаляется, пока звук не смолкает окончательно; Соголон считает ее шаги, которых не слышит, и задается вопросом, сколько шагов надо сделать до восточной части дома, если она движется постоянно или приостанавливается, потому что Наниль всегда осторожничает, чтобы никого не разбудить; затем считает, сколько шагов от наружного прохода до внутреннего, мимо гостиной и еще одного ответвления в супружескую спальню; мимо нескольких потрескавшихся плиток, которые хозяйка всё никак не добьется от хозяина заменить, и, наконец, останавливается перед библиотекой. Должно быть, Наниль постукивает в дверь своим тайным стуком, затем пережидает два вдоха, может, три. Она не смотрит никуда, кроме пола, а дойдя до места, задирает на себе тунику, опускается на колени, с них на четвереньки, и ждет еще три мгновения, может, четыре. Соголон всё так же лежит на боку, на полу, глядя туда, где пол сходится с потолком, и ждет. Она удивляется, почему этого до сих пор не происходит. Может быть, в комнате плохая видимость или там творится что-нибудь еще? Или вообще всё просто кажется? Но тут Наниль заходится воплем. Вопль — один, и другой, и третий, а Соголон остается неподвижной, лишь слезы текут из глаз. Наниль все кричит, потом мертвое затишье. И вот быстрый скрип открывающейся двери, которая громко стучит о стену.

— Что за бесовщина творится в моем доме? — недовольно бурчит хозяйка. — Я этой чертовой кукле сейчас устрою, а вместе с ней этой... — Хозяйка осекается. Соголон ждет, и это происходит. Теперь хозяйка кричит и визжит, и снова кричит, и вот уже частые тревожные шаги шуршат по коридорам. На улицу за помощью выбегают близнецы. То чувство вновь переполняет Соголон, и она, вскочив, выбегает на улицу как раз вовремя, чтобы разблевать в арочном проходе.

Весь тот день хозяйка рыдает. Чуть за полдень она вызывает к себе Соголон и говорит:

— Ну-ка развлеки меня тем, чему ты научилась у себя в буше.

Соголон в замешательстве. Она говорит, что не из буша, на что хозяйка возражает:

— Тогда почему ты всегда пахнешь высокой травой? — и хохочет залиисто и громко, хотя Соголон смешным это

не находит. Раньше от нее пахло грязью, а теперь она пахнет любимым цветком, какой только удастся найти, но никогда не травой.

— Развлеки меня-а-а! — вдруг заходится воем хозяйка, падает со стула и остается на полу, пока ее не поднимают прибежавшие на крик кухарка и один из близнецов.

— Ты почему не пособила ей встать? У-у, бестолочь, никакого с тебя толку, — ругается кухарка.

В течение трех дней от запаха, исходящего из комнаты хозяйки, свербит в носу.

В библиотеке ей делать было нечего — совсем. Хозяин имеет полное право находиться в своих покоях, она — нет. Тем не менее она вошла туда по собственной воле, что сделало ее предметом господского внимания, подобное должно было исходить от хозяина, а не от нее. Но если бы хозяин к ней не прикоснулся, он бы сейчас расхаживал по дому как ни в чем не бывало, по-прежнему обходя ее стороной. Голос, похожий на ее собственный, напоминает, что хозяйка велела ей ему не отказывать.

Если бы она не зашла в ту комнату без разрешения, как завязтая воришка, там бы не было никого, кто мог соблазнить хозяина, кроме Наниль.

«Ты навлекаешь зло на себя и на него. Закрой свой рот, пока он показывает тебе, для чего нужны твои дырки, и просто тверди себе: «Да, это и есть мой удел. Для этого я и создана».

«Нет. Я ничего не делала, это сделал ветер. Просто ветер».

Бремя размышлений превращает Соголон в полено. Она даже не видит, что стоит в поварне, пока кухарка не кричит ей на ухо:

— Прочь с дороги, дурица! Ты разве не видишь, что все здесь своим горем заняты?

Как раз в этот момент в поварню шаткой поступью заходит хозяйка, а за ней на крике влывает ее сестра. Хозяйка едва держится, в безумных глазах потерянность, как будто она смотрит и видит вчерашний день. Она чуть не падает, а схватив Соголон за тунику, чуть не валит ее вместе с собой на пол.

— Это ты убила моего мужа? Говори правду! Правду, правду! Это ты? Ты убила моего господина? Ты, ты!

У хозяйки дурно пахнет изо рта. Держащая ее Соголон часто моргает, и по ее лицу текут слезы. Хозяйка отстраняется и хватается за кухарку.

— Это ты убила моего мужа! А ну говори правду! Я приказываю! Это ты убила? — требует она ответа. При этом она хватается за кухарку и пытается ее трясти, но у той мощная фигура, и встряхнуть получается только платье. Наблюдая, как госпожа смотрит на кухарку, Соголон понимает, что она не требует, а молит. Хозяйка от нее отцепляется и выходит на улицу, где замечает одного из близнецов. Две сестры готовы ее схватить, но этого не требуется. Руки у хозяйки опускаются, и она, поникнув, возвращается к себе в комнату.

Почти разом происходят две вещи: похороны хозяина и вызов к королевскому двору. В ночь похорон Соголон просыпается и видит, что фонарь в ее окне погас. Утром в день обряда сестры наряжают госпожу в черное, она должна носить этот цвет в течение девяти лун. Ближе к вечеру мужчины возвращаются с еще одной коровой и забивают ее прямо там же, на дворе, давая крови течь, куда она хочет. После того как корова забита, ее кромсают на мясо, рубят кости и варят всё это в трех котлах с солью, гвинейским перцем, чесноком, сумбалой и арахисовым маслом. Затем каждый, связанный с покойником узами родства или закона, ест. Люди сидят на полах в доме, на дорожках, на земле двора и снаружи на улице. Аппетитно причмокивая, они восхищаются чудесным вкусом и воздают хвалу хозяину, который теперь стал одним из предков, наблюдая и вынося суждения как о живых, так и о мертвых.

Жрец окропляет всех родственников освященной водой и натирает травами, чтобы отогнать крадущиеся за ними тени, иные, чем те, которые отбрасывает тело.

Но ни Соголон, ни кухарка, ни кто-то из работников участвовать в пиру не приглашены, потому что они не «кровь», то есть не сродники.

— Оно и хорошо, — говорит кухарка. — Их бесы — им их и отваживать.

— Дом Комвоно восстановлен в монаршей всемилости, — сообщает добрую весть отрок-гонец с непомерно широкой улыбкой. Слова он произносит так, будто не знает, что говорит и кому, и это правда. Он не знает, что прибыл в дом в разгар траура, а известие сообщает первой встречной девчонке. — Боги да принесут вам утешение, — добавляет он перед своим скорым уходом, всё это время глядя в потолок, будто ловит там наблюдающего за ним злого духа.

— Передай мне всё, что он сказал, — требует госпожа Комвоно, и близкие изумленно наблюдают, как ее траурное настроение вмиг перегорает, как пущенный по бушу огонь.

Первое, что она делает, это прогоняет из дома всех, кроме своих работников.

— Сестра моя, а как же насчет тех, кто пришел издалека? — спрашивает дама госпожа Моронго.

— К тебе, сестрица, это не относится: ты живешь выше по улице, — отвечает хозяйка. — В общем, к полудню все должны уйти, поскольку я возвращаюсь в положение хозяйки дома.

Сестры и невестки воспринимают это как печаль. Зато братья и зятья вздыхают с заметным облегчением, потому что духи по ночам посещают их и теребят между ног; того и гляди согрешишь не с тем полом.

Сестры хозяйки одна за другой ехать отказываются, говоря:

— Дорогая наша сестра. В *укузиле* ты пробудешь девять лун, а может статься, даже год, если предки не примут твоего мужа в одночасье. Женщина в укузиле не может делать то, что ожидается от женщины, носящей красное или желтое. Боги требуют, чтобы ты не была смелой в деяниях или помыслах. Тебе нужны твои сестры, — говорят они. Женщины рода Комвоно говорят то же самое, но еще добавляют:

— Надо бы также посмотреть, что нам оставил наш дорогой брат.

— Укузила не связывает ни рук, ни ног, ни даже рта, — говорит она своим сестрам. — А вы, пиявочки отродья, забываете, что тот, у кого есть богатство, в тризне не нуждается, — говорит она сродницам из Комвоно, и по ее лицу видно, что на родню она смотрит как на сборище кровопийц. В тот же день они готовятся съезжать.

Соголон даже не верится, что ее госпожа могла вот так прийти в себя всего за несколько струек песочных часов, хотя еще накануне не могла даже выйти из комнаты, чтобы помочиться. Разум предусмотрительно возвращается к госпоже в вечернем часу, как раз когда сродники по крови и закону собираются отправляться на своих ногах, лошадях, повозках, колесницах и караванах. А на выезде вдруг видят воинов-семикрылов и наемников службы Черного Ястреба, которые, стоя у ворот, бдительно проверяют всех и каждого на предмет воровства.

Весь остаток вечера слышны стук и звяканье золота, серебра, железа, камней и слоновой кости, изымаемых из воровской поклажи, а хозяйка зловеще смеется и восклицает:

— Нет, вы гляньте! Вы поглядите! — словно бы кто-то наблюдает вместе с ней, стоя у окна.

Госпожа Комвоно теперь поглощена приготовлениями и подготовкой. Глашатай не оставил ничего, кроме следа своего голоса с сообщением, что господин и госпожа Комвоно приглашаются милостью Превосходнейшего Кваша Кагара, короля Фасиси, императора Северных Земель, регента Территории Долины, а также имперского клирика Божественных Областей Земли и Неба, на аудиенцию, разумеется, по его королевскому благоволению.

Госпожа Комвоно не дура, она знает, что «его королевское благоволение» — это разом и приманка и ловушка. Его благосклонность может меняться по прихоти, и путешествие из королевской резиденции в королевскую темницу может быть в пределах мановения пальца. Или же благоволение может состоять попросту в том, чтобы их так подразнить, сказавшись чересчур занятым, чтобы кого-то видеть. *Их*, потому что она не посылает вести о том, что господин мертв.

Ибо у Короля, чья кровь смыкается с божественной линией небожителей, крайне мало времени на глупые дела смертных. Да и кто она такая, чтобы полагать, что у нее было право ссориться с Королем или с кем-либо еще в доме Акумов? Эти слова госпожа адресует комнате как раз в тот момент, когда туда входит Соголон. Она ошеломлена. Госпожа воркует голосом почти девичьим, как будто хочет кому-то приглянуться, но не знает, что ей делать. Она, кстати, еще не рассказала, за что ее сослали из дворца.

— Господин, видите ли, пользовался у нее симпатией. Ей нравилось, как он называл ее «милашкой». Не симпатичной, как женщина, не красивой, как лошадь, какой она, безусловно, и была, а миленькой, как маленькая девочка. Потому она, должно быть, с ним и хихикала. То, что она сказала мне, было жестоко. А то, как она со мной поступила, было еще жестче.

— Кто, госпожа?

— Конечно же богиня любви и поэзии — о ком еще я могу говорить, как не о Сестре Короля, ходячая ты дурашка? Когда я была у нее во фрейлинах, она всегда меня костерила, называла растяпой, говорила, что я даже задницу подтираю ей медленно.

Соголон девочка, и по ее разумению, горе похоже на то, как если бы нести на спине дом, поэтому у нее вызывает недоумение, как хозяйка не прогибается под такой тяжестью. Может, она скрывает это? Или же большая женщина способна нести на спине горе размером с дом, а вместе с ним всё остальное тоже? Соголон дивится, как ей это удастся, потому что ее собственный разум дает сбой почти каждую ночь. Ей кажется, что она блуждает в джунглях сновидений, но ночь переходит в утро и оставляет ее с ощущением, что она либо так и не просыпалась, либо вовсе не спала. Горе и вина смешиваются, превращаясь во что-то вроде комка под кожей, в нечто чудовищное.

В ночь перед тем, как они отправляются в Фасиси, к ней возле амбара подходит Наниль, но не поворачивается лицом. Довольно дерзко для рабыни — вот так разговаривать со свободным человеком, пусть даже с никчемной девчонкой-подкидышем.

— Я знаю, что это ты, — говорит она. — Я это точно знаю. Хозяин спустился в библиотеку, ожидая меня, ведь больше никому там делать нечего — ни жене, ни кухарке, ни тем более мальчишкам-близнецам.

Соголон думает сказать что-нибудь резкое: «*Закрой рот, невольница, пока хозяйка не позволит тебе его открыть*». Она уже приоткрывает губы, готовая вымолвить эти слова, и вдруг, оглядевшись, не видит вокруг ничего, кроме пустынного двора. Должно быть, это ее собственная голова бежит от нее прочь, не иначе.

По прошествии еще двух дней сборы закончены, и они с караваном отправляются в Фасиси. Прямо на окраине города им

попадается судья, который вслед кричит, что всё помнит и как-нибудь вернется к ним в дом.

— Отправляйся туда прямо сейчас! — кричит в ответ хозяйка. — Но если ты не выяснишь, кто... нет, *как* убили моего мужа, я выхлопочу указ у самого Короля, чтоб тебя высекли!

Они едут. Королевский провожатый каждое утро сообщает хозяйке, сколько дней пути остается до Фасиси. Прошла четверть луны, впереди еще целая, если на то будет воля богов. В караване идет и едет то, что хозяйка взяла с собой, — корова на еду, барашек на угощение. В сундуке под четырьмя замками она хранит шелковую ткань из страны, где люди держат у себя в волосах червей, прядущих нить. Соголон однажды видела, как хозяйка открыла сундук, и оттуда выпорхнуло что-то бело-лиловое, настолько нежное и легкое, словно собиралось улететь. Госпожа сказала, что настанет день, когда самым вожделенным блаженством на свете будет ощущать на себе шелк. А еще ткани укура и асо оке¹, лазорево-синие, а также бутылёк мирры, которой госпожа нет-нет да себя помажет; леопардовые шкуры, золотые самородки — на всякий случай их госпожа засунула себе между грудей со вздохом, надеясь всё же с ними не расстаться, — а еще обезьяна, которая раньше забавляла хозяина. Из людей с госпожой один из близнецов, трое семикрылов, которым заплачено серебром, королевский провожатый впереди каравана, ну и Соголон.

Она едет в хвосте каравана, утопая в подушках, коврах, шкурах и мехах, которых многовато даже для такой особы, как она. Повозка напоминает шатер на колесах, стены покрыты орнаментами, где читаются все известные племена и народы: тут тебе и гангатом, и луала-луала, и речной народ Увакадишу, и многие другие, что выше Песчаного моря. Дух благовоний внутри настолько густой, что щекочет ноздри. Два окна с обеих сторон бóльшую часть дня остаются закрыты, но открываются при восходе, закате или всякий раз, когда хозяйка чувствует, что в шатер не задувает пыль. Ест она мало, и уж точно не много из того, что по вечерам на разведенном рядом костре готовит близнец. В основном просто пожевывает ломтики

¹ Укура, асо оке — ткани ручной работы, созданные народом йоруба в Западной Африке.

сухого мяса и фрукты, которыми кухарка снабдила Соголон для хозяйки, а иной раз ограничивается одним вином. Иногда во сне она разговаривает с хозяином и спрашивает, отчего его хер торчит дальше, чем та балка из груди. Единственное, что она еще делает, это смотрит на Соголон. Каждый раз, когда та поворачивается взглянуть на хозяйку, едва различимую во всех тех тканях и мехах, хозяйка уже смотрит на нее неотрывно и долго. Соголон не знает, что означает это выражение лица. Похоже, ей известно, что девчонка — причина ее горя, даже если не ясно, как там все произошло. Из-за этого Соголон не спит с той самой поры, как они отправились в путь. Она лежит на боку в дальнем конце шатра за занавесками, которые хозяйка не велит задергивать. За спиной у нее камень со множеством зазубренных краешков, для того, чтобы уколоть себя, если забудется сном, что с ней иногда случается среди дня. Хозяйка смотрит на нее так, словно это замечает.

— Чего ты такого боишься, что не смеешь заснуть, — что сон развяжет тебе язык? Злой язычок, что живет внутри тебя, но никогда по-настоящему не повинуется. Чего-то он ждет, чтобы поведать мне, лживые твои глаза?

Соголон уклоняется от ответа, пока не осознает, что все эти разговоры происходят у нее в голове.

Третья ночь третьей четверти луны. При свете фонаря девочка видит, что хозяйка вновь неотрывно смотрит на нее. Разговаривать с найденьшем она не в настроении, но всё равно хочет, чтобы ее желания были ясны. Соголон открывает короб с дверцами как раз в тот момент, когда шатер подпрыгивает на ухабе, отчего и девочка и содержимое сундука летят в сторону. Слышатся чертыхание близнеца и смех едущих рядом семикрылов. Соголон прячет еду обратно в сундук и подносит госпоже бурдючок с вином, но та всё так же на нее смотрит. Сейчас она, несомненно, раздражена, но всё же не настолько, чтобы начать распекать недотепу.

Лавируя на тряском дне шатра, Соголон пробирается к хозяйке. Она думает подать ей бурдюк с вином и тут видит, что глаза женщины хоть и распахнуты, но она в глубоком сне. У мисс Азоры для такого рода вещей было свое объяснение.

«Бог, наблюдая, что человек делает ночью, завладевает его сном и глаза использует как оконца». Наутро госпожа говорит:

— Это уловка. Нюхом чую.

— Госпожа?

— Вся эта церемония с милостью, приглашением вернуться — уловка, чтобы меня оконфузить. Ты не знаешь ее уловок, Сестры Короля, глупая. Она же принцесса Йелеза; даже не знаю, как она себя еще именует. Особы королевских кровей по-королевски велики в своей мелочности. Боги знают, что с нее это станется: заставить меня проделать весь этот долгий путь для того лишь, чтобы выставить меня посмешищем при дворе.

— Тогда зачем же вы так хотели ехать, госпожа?

— Что? Ах она паршивка, да как она смеет задавать мне такие вопросы? Как смеет даже помыслить об этом? Нет, ты несносна. Да-да, просто несносна. Точнее не скажешь. Надо было всё-таки тебя высечь.

— Молю вас о прощении, госпожа.

— Вот-вот, молиться и надо, хотя толку-то мне с этой твоей мольбы.

Она смотрит на Соголон так, словно только что заметила ее присутствие.

— Нет, надо было всё же отправить тебя в приют на откорм, чтобы ты могла стать нормальной женщиной. Подучили бы тебя танцам и рукоделию, может, даже пестовать детишек. Ну куда тебя девать, с этой твоей неотесанностью?

— Госпожа...

— Притомила ты меня, девочка. Иди гуляй куда-нибудь.

Соголон неспособна даже скрыть, насколько ее это печалит. Один из погонщиков снимает половину поклажи со своей запасной лошади и дает Соголон на нее взобраться. Вербкой эта лошадь привязана к одной из повозок, так что заняться Соголон нечем, но всё равно это ее первая поездка на этом звере. Она собирает воедино всё, что чувствовала однажды и чего хотела бы снова. Получается: ощущать руками шелк, ездить верхом и думать, что она свободна.

Время близится к ночлегу. Караван останавливается на открытом пустынном пространстве, без деревьев, и ночью холод пробирает до костей. Хотя Соголон укрыта двумя одеялами, она всё равно лежит под открытым небом, вместе с другими,

посторонними мужчинами. С каждым днем приближения к Фасиси хозяйку пробирает всё большее беспокойство. Фасиси не похож на большинство мест Севера; здесь каждый обычай связан с благородством человека. Выходя в Фасиси замуж, женщина сохраняет за собой богатство и власть, которую оно дает. Даже король, когда решает стать богом и присоединиться к своим царственным предкам, передает корону первенцу мужского пола из дома своей старшей сестры. Может, именно поэтому хозяйка, казалось, тосковала по Фасиси даже больше, чем хозяин, и сильнее, чем он, жаждала туда вернуться. Тем не менее она всё еще удивляется, иной раз даже вслух, зачем их вообще вызвали обратно. Хозяйка не раз говорила, что, разумеется, Король со своей Королевой пригласили их не только затем, чтобы слушать пустые слова хозяина. Известно, с каким бременем всё это сопряжено. Или что хуже, секрет или ложь. Если секрет скрывает достаточно правды, чтобы из-за нее история предстала в ином свете, то разве это не та же ложь? Хозяйка изгоняет Соголон спать с мужчинами и насекомыми, но она всё равно жалеет хозяйку и корит себя за то, что способна кого-то жалеть.

И теперь, когда Соголон с рассвета до заката находится под открытым небом, путь в Фасиси являет ей то, чего она прежде никогда не видела. Дорога то появляется, то исчезает. Иногда по половине дня она безупречно вымощена камнями, но сразу после этого не остается ничего, кроме грязи, песка и колючего кустарника. В другой раз, когда они выезжают на участок старой дороги, погонщики говорят, что всё это часть старого царства, еще задолго до Фасиси, когда никто и на свете не жил. Они проезжают селения, гнездящиеся по склонам холмов, с мелкими домишками из камня и глины, под соломенными крышами и без дверей.

Проезжают селения, которые выглядят так, будто все люди здесь убежали или вымерли. На повороте с двумя тропами впереди провожатый кричит, что держаться надо вдоль реки, так как это самый прозорливый способ избежать разбойников. Семикрыл кричит, что готов к любому бою, на что провожатый говорит:

— Ну так иди и сражайся, а мне Король отдал приказ доставить груз живым и невредимым.

Хозяйка, слышащая это из окна, шипит на слово «груз» так, чтобы тот услышал.

— Гостей, — поправляется он.

Они тянутся вдоль реки и минуют стены Джубы, где через каждые несколько шагов стоит лошадь с седоком, одетым в доспехи, как воинский эскорт.

А этот провожатый!.. Семикрылы даже в самый жаркий день одеты в черные туники с синими кушаками, и бóльшая часть лица у них сокрыта. Этот же смотрится им полной противоположностью. Во-первых, он почти весь в зеленом, на спине у него бронзово-черный щит. А на его боку Соголон замечает длинный клинок — ятаган, с которым она вскоре научится обращаться. Зеленая кольчуга, зеленая туника, кожаная перевязь и длинный, струящийся зеленый плащ, в который он кутается, как хозяйка в свои одеяла. Огненно-золотистые волосы и косматая борода; лицо худое и с полными губами, придающими вид скорее улыбчивый, чем нахмуренный, а голос подобен течению реки. Такие к мисс Азоре не навещают. Соголон смотрит на его лицо, как бы заостренное; в этой бороде есть что-то озорное или даже смешливое. Это не тот человек, который ходит в дома терпимости, потому что это просто *не его*. Красивый? Соголон едва знает это слово или как его использовать. Иногда она специально смаргивает, но всё, что видят ее глаза, это его волосы, скулы и губы, кожу, подобную кофе с молоком, как раз в нужной пропорции, веселые, смелые глаза. Смеются ли они и тогда, когда остальная часть его лица этого не делает? А усмешка в них, не адресуется ли она ей — даже когда он отворачивается, чтобы вести караван? На своем речном маршруте процессия дважды останавливается. Первый раз — дать отдых лошадям, а второй ее останавливает госпожа, потому что иначе они доберутся до Фасиси слишком рано, что будет «непоправимой потерей лица», ее фраза, слово в слово. Оба раза тот человек моется, хотя никто другой этого не делает.

— Водича здесь — лучше не бывает, — говорит он Соголон, идя к берегу. Говорит это ей, которая все свои годы приносившая оценивать слова мужчин только на предмет подвоха и опасности.

— Я не купаюсь, — произносит она.

Он смотрит на нее безо всякого разочарования и говорит как равной:

— Дело твое.

Не задумываясь, что его видно, он раздевается. Соголон поклялась бы любому, кто спросит, что выглядит наоборот: одежда слетает с него будто сама. Мужчины, которые приходят к мисс Азоре, выглядят как мужчины, которым нужно именно ее заведение, а не мальчишки, что выигрывают донгу. Мальчишки из донги напоминают темные лоснистые палки с длинными тонкими руками и ногами. Этот же выглядит так, словно его одежда совершает злодеяние одним лишь тем, что скрывает его. Широкие плечи и тяжелая мускулистая грудь, тонкая талия канатоходца и толстые ноги молодой лошади. Соголон знает, о чем подумает сейчас, и хочет встретиться с этой мыслью до того, как та достигнет ее головы, чтобы пресечь ее, но терпит неудачу. Член, который втайне хочется увидеть на таком вот теле. Свисающий поверх яичек, толстый, упругий, не торчащий впустую.

Он поднимается из реки и у берега потягивается, затем идет, совсем не глядя на Соголон, ибо уже забыл, что она рядом. Но она смотрит, как мужчина идет, и с него капает вода, а она после стольких лет в доме терпимости и не знала, что, когда мужчина движется в одну сторону, его член движется в другую. Вверх и вниз, покачиваясь, как будто танцует под ускоряющуюся музыку. В доме терпимости есть только два вида члена, буйный и вялый, и ни тот ни другой девушек не радует. Но провожатый либо не видит ее, либо забывает, что она здесь, либо такая прогулка для него ничем не отличается от пробуждения или оплаты пива. Оплаты пива, да. Соголон задастся вопросом, всегда ли он с ней, этот стыд за тело. Не может быть, она по рождению не из таких. Будь он проклят, этот дом терпимости, за то, что дал ей то, чего от такого места никогда не ждешь! Скромность. Соголон пытается увязать у себя в голове мысли, которые идут вразброд. Он встает и протягивает руки, словно приветствуя уходящее солнце.

— Что ж, Соголон, — молвит он, и девушка чутко вздрагивает. — Разве это не твое имя?

— Ну а чье ж еще, — чужим голосом отвечает она, отворачиваясь от него всей своей головой и гадая, откуда у нее взялось такое движение.

Он к ней не оборачивается, а его ягодицы, мускулистые и более темные, выглядят так, будто они — центр тяготения, сводящий воедино эти своенравные руки, ноги и спину.

— Ты не думаешь покататься на этой лошади, или тебя устраивает, что это она едет на тебе?

— Что?

Провожатый поворачивается к солнцу спиной. Вода словно не мыслит разлуки с его кожей — вон как она пытается удержаться на нем подольше. Соголон не знает, кто за нее думает, но произносит вслух:

— Слушай, лучше остановись-ка.

Он подходит к ней, и что он там говорит? Подходит к ней, а она не может поднять глаз на его лицо, но смотреть вниз едва ли лучше, потому что взгляд сейчас приходится между двумя сосками и катается вверх-вниз по стиральной доске, которая на полпути, а внизу волосы, которые чем ниже, тем курчавей и дорожкой вниз, вниз...

— Хочешь прокатиться? — спрашивает он.

Соголон превращается в палку, просто в палку, и всё.

— Там у нас, в хвосте, еще одно седло. Пристегнем его к коню, а сверху пристегнем тебя. К седлу, не к коню. Девушка должна же уметь ездить верхом, как думаешь?

— Не знаю.

— Никогда не знаешь, когда может понадобиться сбежать. Лошадиные ноги быстрее твоих собственных.

Провожатый снова улыбается. Соголон думает, что седло он замышляет прицепить прямо сейчас. Научить ее прямо сию минуту. Схватить ее своими могучими руками и посадить верхом, как будто она не тяжелей тростинки.

— Завтра, — говорит он и идет к своей одежде.

Значит, Фасиси.

ЧЕТЫРЕ

— И так, великий бог неба, что плачет дождем, правит молнией и рычит громом, имеет двоих сыновей. Один у него от солнца, и когда возлежали они, свет огненный вырывался при соитии из глаз их, и то небо, что серое, становилось лиловым, а из него синим. Второй же у него от луны, ибо ночь сменяет день, и бог в обнаженной тьме своей имел соитие с белой луной и обращал небо в серебро. Когда возлежал бог неба с одной, другой ничего не говорил, ибо их неприязнь меж собою глубока и беспрестанна; и если видеть солнце, столь полновластное днем, а ночью луну с ее сотнями мерцающих деток, то скоро можно постичь почему. Солнце и луна вынашивали свои разбухшие животы четыре года, и едва не падали с небес, ибо непомерна тяжесть ношения плода от тех божественных соитий. Но так как с богом они знали не в одно и то же время, то обе и не ведали, что разом носят от него во чреве своем. Мир был настолько нов, что многим вещам еще не было названия, а поскольку не было, то никто и не мог иметь их в виду. А вещи те огонь, нагота, изумруды и морские звери. У богов, творящих прекрасный и ужасный мир, тогда не было времени, потому что его они тоже пока не нарекли.

Солнце и луна разрешились бременем в один и тот же день, и обе передали сыновей своим богу, ибо ни одна не нашла бы место для материнской заботы: солнце постоянно стоит на страже земли, у луны же своих чад в избытке. «Дитю потребен от тебя мир», — говорили они богу, хоть и в разное время, в разных с ним покоях.

Ни одна не пожелала вскармливать дитя и морить голодом вселенную, ибо вселенной и дитю потребно одно и то же. Бог

неба нарёк сыновей своих Думата, что значит «свет огненный и лиловый», и Дурара, что значит «кожа приходящего с ночным дождем». Но и бог был подобен человеку, которого еще не создал, и сыновей своих возвращал дикими и необузданными, то есть не воспитывал вовсе.

Вскоре пришел час, когда отроки стали носиться по его царству, грохоча с силой такой, что тучи разверзались и в сверкании несметного числа молний убивали всё, что лежало бы под деревьями, если б деревья и им подобное могли тогда существовать. Они донимали солнце, которое в гневе подожгло небо, а затем досаждали луне, которая всё более хмурилась и пряталась за тьмою, так что двадцать и еще восемь дней спустя полностью сокрылась на четыре ночи. О, сколь лютое бедствие сеяли те отроки!

И тогда великий бог неба, что рычит громом, правит молнией и плачет дождем, низверг двоих сыновей своих в мир. «Низринул вас, но не зовите сие изгнанием. Да не вернетесь более никогда на небеса!» — наказал он им вослед и ноги их для верности сковал тяжким грузом. Послал он сыновей с тремя вещами, но поскольку у тех вещей тогда не было имен, ни одна из них к этой истории не относится. Думата, что от солнца, упал на севере, а Дурара, что от луны, на юге. Встать здесь было негде, ибо такого места еще не создал бог, потому оба достали нечто из сумы и посыпали вниз прежде, чем спуститься с высот. Где упал Думата, там земля была желта, тверда и блестела при свете дня. Думата нетерпелив, и не было у него времени ждать благоволения богов, потому он сам нарек ее золотом. Дурара же припал на землю твердую и белую, что ошибочно принял за застывшие облака. Твердь сия бледна была и скудна, и не давала отблеска. Растянувшись на животе, Дурара высунул язык, дабы лизнуть ее, и вкус у нее оказался весьма приятен. Дурара, хоть и от другой матери, нравом был един со своим братом, и тоже сам нарек ту землю, дав ей имя соль.

Вышло так, что два сих отрока стали мужами, а затем королями, Король Золота и Король Соли. Оба тучнеют и впадают в жадность, оставляя почти все себе и ничего не оставляя людям, которые ныне разбросаны по всему свету. Но золото и соль — это больше, чем золото и соль, ибо золото — это всё, что красиво, а соль — всё, что полезно. И хотя Север —

прекрасные земли, с прекрасными богатствами и прекрасным королем, более красивым, чем его Королева, там не так уж и много полезного, даже пищи; всё, что там есть, всегда выглядит красиво, но на вкус одинаково. Однако на Юге нет ничего великого, так как нет у них там ни единой вещи, которая б не была пущена на пользу. В королевстве нет ничего, на что можно было бы смотреть, восхищаться и любить, даже короля. Не то чтобы король был уродлив, просто никто в этих землях не видит ничего, кроме употребления глаз на то, чтобы видеть, ушей, чтобы слышать, носа, чтобы обонять, а рта, чтобы говорить. Даже соитие предназначено там лишь для размножения, а не для услады, вот почему его, принижая, называют «срамным» и «свальным». Что же до пищи, то она удовлетворяет вкус и делает отроков сильными, но люди там, прежде чем положить пищу в рот, закрывают глаза.

Голос разума вопиет: Север мог бы многое получить от Юга, а Юг — от Севера. Торговля — то, за что ратуют многие, но короли выполняют предначертание своих матерей и объявляют друг другу войны. Север вторгается в земли Юга, и именно поэтому у них есть соль и специи. Юг грабит Север, и именно поэтому у них есть замки, растущие из земли, и ожерелья из блестящего золота. Так длятся времена войн, пока старые названия северного и южного королевств и имена двух отроков, Думаты и Дурары, не теряются для всех, кроме южных гриотов и забытых богов. Всё, чему научаются мужчина и женщина, они постигают от богов, в том числе и это. И будь то дух или плоть, люди — единственные существа, которые, даже если знают как лучше, никогда не делают как лучше. А за то, что делают, они оскорбляют всех остальных живых созданий, кроме лошади, верблюда, осла, свиньи, голубя, козы и собаки; потому другие животные являются от века врагами большинству людей. Тем временем солнце и луна освещают оба королевства одинаковым светом, сокрушаясь о том, что люди земли слишком упрямы и глупы, чтобы ладить; так уж они, видно, затвердели себе, воюя друг с другом.

— А тебе, красавя, никак тоже разум об этом вопиет? — насмешливо спрашивает наемник-семикрыл, сидящий рядом у костра. Вокруг него расположились провожатый, близнец, несколько семикрылов, а чуть в сторонке Соголон. Госпожа

спит у себя в шатре, храпя настолько самозабвенно, что распугивает всю мелкую живность, возжелавшую было прикорнуть под его днищем.

— Я лишь повторяю то, что говорят мне боги, — отвечает провожатый, звать которого Кеме.

— Войне разумность ни к чему. Война — это просто война, — говорит семикрыл.

— Война — просто война? Для тебя она, скорее, звон монет, наемник?

— Ты вникни, красавица. Король за королем объявляют войны, но не спешат бросать в бой своих людей. Зачем им это, когда есть глупцы вроде тебя, полагающие, что они есть могучая десница Короля? И вот вы сражаетесь и гибнете по цене монетки, которая перепадает вашим женам. Деньги, по крайней мере, что-то, удалец. А за что сражаешься ты?

— Я-то? За то, за что стоит сражаться. Ну скажем, за нее, — и Кеме кивает на Соголон.

— Тоже мне, нашел госпожу. За такую — идти на смерть? То, за что ты сражаешься, подобно воздуху. Его ни схватить, ни пощупать, ни даже понюхать.

— Однако если им не дышать, не выживешь.

— Вижу, тебе этой болтовней о воздухе изрядно голову надуло.

Семикрыл развязно смеется. Еще не так давно Соголон думала, что эти черные истуканы вообще не разговаривают, не говоря уже о том, чтобы смеяться. Они ей нравятся, пожалуй, больше, когда закрывают себе лицо и ничего не говорят. Нет, не так; даже до этого они ей не нравились совсем. Кеме, должно быть, сердит, вот о чем она сейчас думает. Раздражен настолько, что, наверное, взял бы и ударил этого язву, выбил ему острые зубы, и никто бы его за это не осудил. Но Кеме сидит с ними у огня, смеется и улыбается, как будто ему нравится их компания, в то время как они глумятся над человеком, который готовит на всех еду. На какое-то время Соголон одолевает интерес, как этот мужчина держится среди других мужчин. Всё для нее внове — как, например, они сидят друг с другом среди травы и песка. Все находят себе место у костра, ждут, когда подойдет мясо и что там еще, а свои мечи, копья и шлемы снимают и бережно укладывают близ себя словно сонных детей.

Затем укладываются, подперев головы локтем, или садятся, сложив руки на колени, а голову опустив на руки, и широко расставляют ноги, словно приглашая огонь проникнуть туда и обогреть тело снизу.

Соголон раздумывает о мужчинах и даже не уверена, откуда у нее такие мысли; неужто их разжигает в ней этот провожатый? Ведь ни братья, ни хозяин, ни близнецы никогда не вызывали в ней ничего подобного. Соголон не может вспомнить, когда попутчики перестали называть его «провожаемым» и стали звать по имени: Кеме. Непонятно, как ей относиться к этому имени. Точнее, не к имени, а к тому, как произносить его вслух. За этими своими раздумьями она сидит в стороне от каравана, хотя и не совсем у костра. Когда мужчины проводят какое-то время вместе, скажем, за одним и тем же делом, или просто в совместном пути, то всегда ли они становятся братьями?

— Гляньте-ка на Кеме в свете костра! Такой хорошенький, что мог бы быть девицей!

Все смеются, в том числе и сам провожатый.

— Осторожней, наемник. В Фасиси любителям мужчин ходу нет, не то что у вас в Конгоре, — говорит он, и все снова взрываются смехом, кроме семикрыла, который назвал его «красавой». Соголон мысленно его отмечает и успеваает заметить, что отмечает и провожатый, даже когда смеется. Его взгляд чутко перепрыгивает на нее, а она отвести глаза не успеваает.

— Ты как думаешь, Соголон? — окликает Кеме.

У Соголон едва не выскакивает сердце.

— Ты спрашиваешь девчонку, считает ли она тебя пригожим?

Соголон молчит, уставясь в темноту. Правда между ней и небом состоит в том, что мысленно она задавала себе этот вопрос множество раз. И отвечала на него.

— Кое-кто казался смышленнее в прошлую четверть луны, — говорит Кеме.

— На прошлой неделе я не разговаривал, — бурчит семикрыл.

— Я не тебе. Ну так что, Соголон, ты сражаешься за правое дело или за монеты?

— Женщины не сражаются, — кривит губы семикрыл.

— Ты метишь стать одной из них, потому и отвечаешь? Я разговариваю с Соголон.

Она не знает, защищает он ее или подтрунивает. Может, и то и другое.

Мужчина способен бывать двумя разными существами одновременно, точно так же как женщина. Видя, как все мужчины насмешливо на нее смотрят, Соголон выходит из своего оцепенения.

— Что значит «правое»? — молвит она.

— То есть? — переспрашивает Кеме с любопытством.

— Ты говоришь, сражаться за дело. А каково оно? Одна борьба не делает его правым.

— А что, удалец, она ведь с умом говорит, — оживляются остальные семикрылы. — Ты не сказал, правое ли то дело.

— А вот ты назови, — предлагает он. — Назови дело, которое считаешь правым.

Соголон не желает на него смотреть, но не может и отвернуться. Он взирает на нее не сердито, не грустно и не насмешливо, но и не так, как будто особо ее ждет. Скоро разговор сменится, а вместе с тем изменится и он, смеясь и пошучивая, как и раньше. «Но будет ли он меньше думать обо мне?» — спрашивает Соголон себя, только не этими словами. Когда прожогатый смотрит на нее, слова у нее исчезают.

— Глупый караванщик, перестань выжимать из девчонки мысли, — говорит первый семикрыл, и все смеются. Звук смеха Кеме в общем хоре больно ее задевает. Но смотреть на нее он не перестает, и от этого у Соголон такое чувство, будто на ней воспламеняется одежда. Этой ночью сна ей не видать. Впрочем нет, сон придет, но только беспокойный.

Всю ночь до утра ее глаза широко распахнуты, и она смотрит, как угасает костер, а он лежит там с тихим похрапыванием, вызывая у нее мысли, что всё, на что она годна, — смотреть, как он спит.

— Пусть эти люди тебя не беспокоят, — говорит он ей наутро. — Только и горазды что на всякие рассказы, всякую блажь о богах, чудовищах.

«Только ты ее всем и рассказывал», — говорит она молча, а вслух добавляет:

— Да мне-то что.

— Мужчины в тесном кругу все стараются друг друга перекричать. Но никто из нас не громче богов.

— Мне как-то всё равно.

— А вот я малость переживаю, — признается он и поднимает с земли ее седло. Соголон следом за ним идет к лошади. Утро в разгаре, все уже просыпаются. Кеме набрасывает седло на лошадь и собирается приладить, а Соголон противится:

— Я и сама могу.

Кеме отступает, воздевает руки, будто он в плену, и улыбается:

— Соголон. Ты знаешь, зачем ты едешь в Фасиси?

— Конечно. Быть в услужении у хозяйки. Для компании.

— Если для компании, то почему ты не рядом с ней, а в хвосте каравана?

Ее словно обдает ледяными брызгами. Соголон приоткрывает рот, но ничего не говорит. Он отвечает кивком, пряча его под капюшоном плаща.

— Прошлой ночью я не назвала дело, потому что не хочу войны в виде распрей, — говорит она.

— Девочка, война всегда с нами. А если не война, то слух о ней. Ваш король вроде бы за мир, но ваш принц?

— Я ничего не знаю ни о короле, ни о принце. Фасиси от нас далеко. Где он, а где мы?

— Теперь он ближе с каждым днем.

Он учит ее ездить верхом, чтобы лошадь под ней не взбрыкивала и не оставляла синяков на ногах. Хозяйка не ведает, чем ее юная компаньонка занимается снаружи, но рада уже тому, что, просыпаясь, не видит на себе ее пристальных глаз. Что до Соголон, то, катаясь однажды вечером впереди каравана, она теряет из виду Кеме. А когда оборачивается, то он уже рядом; подъезжает ближе и обжигает плетью ее лошадь. Та с гневным ржанием взвывает на дыбы и мчится на отрыв.

— Не вопи, только не вопи.

Чтобы не завопить, она вынуждена повторять это вслух. На скаку лошадь под ней подпрыгивает; Соголон соскальзывает, и всё это на безудержной скорости, так быстро, что земля из-под ног. Она ее сбросит, эта лошадь, сломает шею. Соголон сжимает поводья и тянет, рвет на себя, но лошадь лишь ускоряет свой безумный галоп. При прыжке через камень Соголон

чувствует, что всё тело ее, взвившись, повисло в воздухе, но снова приземлилось-таки на седло. Она натягивает поводья всё туже, пока не понимает, что от этого только хуже. Каждый рывок заставляет лошадь вздрагивать, вгоняет в страх еще больше, и конца этому не видно.

«Попробуй что-нибудь еще». Соголон тянет за повод слева, крепко, но осторожно, и удерживает до тех пор, пока животное не поворачивает шею. Поворот замедляет их. «Вот так, успокой лошадь». Вскоре они переходят на рысь, и Соголон впервые может перевести дух. Мысленно она трижды отсчитывает сыпучую струйку часов, прежде чем караван догоняет ее, стоящую рядом с мирно щиплющей травинки лошадей. При виде девочки провожатый кидает своего коня в галоп и, подлетев вплотную, спрыгивает с седла.

— Соголон! Хвала богам. Я уж думал, случилось что-нибудь скверное, — говорит он, а у самого улыбка на лице не удержимо ширится. Соголон открывает рот, чтобы что-нибудь сказать, но из горла рвется лишь рычание. Размахивая руками, она бросается на него. Кеме пригибается — как раз то, чего ей надо. Он не замечает летящее к лицу девичье колено, которое лупит ровно в цель. Он падает плашмя и не двигается.

— Кеме?

Ярость Соголон развеивается как туман. Она в тревоге припадает на землю.

— Кеме, ты живой?

Он поворачивается на спину и сплевывает кровь. Красные зубы осклабились в блаженной улыбке:

— Язви тебя боги! Кто тут теперь истинный укротитель лошадей, не ты ли?

Итак, вот он, Фасиси.

Как и Малакал, это город, близость которого начинаешь ощущать при подъеме. Воздух становится разреженным и стремительно холодает. Семикрылы вновь прикрывают себе лица, а близнец обертывается в занавесь из шатра. Кеме по-прежнему в зеленом, но свой плащ меняет на одеяло, похожее на то, в котором иногда выходит госпожа Комвоно. «Само собой, белое с зеленым», — подмечает Соголон, когда он накидывает

его себе на плечи. Белый, как холодное свечение гор, но с зеленым рисунком в виде торчащих из листьев початков. Еще одно одеяло Кеме бросает ей.

— Фасиси близится, — говорит он.

— Пора будить госпожу?

— Нет.

От внезапного уклона встряхивается близнец. Внутри шатра что-то падает, катится и бьется, но проверить он не удосуживается.

— Мне кажется, он уподобляется тебе, — улыбается Кеме.

— Что? Как ты...

— Не начинай все ответы со «что».

— Я спрашиваю, что ты имеешь в виду?

— В начале перехода, едва что-нибудь заслышав в шатре, он останавливал весь караван для проверки, удостовериться, что с его хозяйкой всё в порядке. Теперь она может свернуть себе шею, а он и ухом не ведет.

— Переход уж больно долгий.

— Твоя правда. Я, пока ехал, уже почувствовал себя старше.

— Тебе-то что. Доставишь нас, да и с глаз долой. Гульнешь на радостях.

Он поворачивается, глядя на нее с задумчивым укором:

— На радостях? Не думаю.

Дорога, стоит на нее въехать, принимается петлять. Уже вскоре опускается завеса тумана, но лишь когда караван проходит значительное расстояние, до Соголон доходит, что они едут сквозь облака. Дорога здесь вдвое шире каравана, а под копытами лошадей, насколько видит глаз, покрытие из тесаного камня, красноватого и такого чистого, будто по нему только что прошел дождь. Путь змеится поворотами, от одного к другому, и лишь небольшие его участки сравнительно ровные. Иногда дорога опоясывает гору, потому что иного пути нет, местами проходя по самому гребню, с крутыми уклонами в туман по обе стороны. Кое-где закраина зияет пустотой, и ничто здесь не может уберечь заблудшую повозку или испуганную лошадь от падения с кручи.

Дальше больше: за очередным поворотом дорога сужается еще сильнее, и с обеих сторон отвесно вздымаются каменные стены. Соголон никогда не забиралась так далеко и не подни-

малась так высоко; никогда не видела гор среди еще множества изумрудных отвесных склонов, из-за дали кажущихся синеватыми. Быть может, это всё и впрямь деяния сына бога неба, из грязи создавшего холмы и долины, под которыми он сейчас лежит, изредка ворочаясь во сне?

— Это черный ход, — поясняет Кеме. — Не такой видный, зато ведет прямо к королевской оgrade и сокращает время на въезд через городские ворота. — Караван близится к повороту, делающему почти полный круг, прежде чем снова выпрямиться. Через каждые пару сотен шагов сверху величаво проплывает каменная арка.

— Ты ребенок своей матери или отца?

— Чт...

— Хватит уже чтокать.

— Это один из вопросов, которые ученые люди задают друг другу.

— Ты спрашиваешь или отвечаешь?

— Да.

— Я тебя спрашивал: что тебе рассказывали люди? Ты дочь своей матери или отца?

— Не знаю.

— Как так? Возьми на заметку: в следующий раз, когда мы повстречаемся с моим отцом, он заодно встретится и с этим вот кинжалом. Но даже я должен признать, что во мне есть его упрямство, его веселость и, да простят меня боги, его грехи. Нам даже нравятся женщины одного склада. Я это знаю, потому что он однажды чуть не умыкнул мою, — Кеме смеется. — Это слишком уж бесцеремонно.

— А по мне, так лучше.

— Я догадываюсь.

Они едут, давая своим лошадям свободно идти рысью.

— Моя мать, она была повитухой для наследного принца, а затем его сестры. Они именуют ее среди женщин особенной, потому что она приняла на свет того, кто однажды станет богом.

— Благословенные руки, сказала бы госпожа.

— Да уж. Особенно когда она валтузила нас ими так, будто изгоняла злых бесов. О боги, боги. Только им должно быть ведомо, как можно испытывать любовь и одновременно непри-

язнь к одной и той же женщине. Два противоположных чувства, и они оба поглощают тебя.

— Так кого ты одновременно любишь и ненавидишь?

— Что тебе на это сказать...

— Не чтокай.

— Умница, усвоила урок, — смеется он.

— Да что отец, что мать, — отвечает она, — я их обоих не знаю.

— Ни того ни другого? Совсем ничего? Но ты ведь не сирота?

— Троица, которая меня разыскивает, скажет, что я их сестра. Один из них худший, кого я когда-либо знала, двое других и того хуже. Ну а отца с матерью я не помню вообще. Люди говорили, что ему голову поразили бесы.

— Откуда им знать? Может, он просто был болен.

— Присовывал свой член ко рту и хлебал мочу, как вино.

— Язвы ж их боги! Мерзко, но впечатляет. А мать?

— Я ношу ее имя. Кроме него, моим братцам с меня взять нечего.

— Она позволила тебе уйти?

— Она мертва. Умерла, рожая меня, отчего отец и двинулся умом.

— Вот как.

— Мне сказали, что я через это проклята.

— Какой сын гиены посмел тебе об этом сказать?

— Мои братья и все в деревне. Их слова пересказывали через забор и приходили ко мне.

— О Соголон.

— Что ты такое делаешь?

— Жалею тебя.

— Зачем? Я этого не хочу.

— Интересно, ты всегда такая? Видишь и замечаешь. С тобой стервятнику никогда не быть ястребом.

— Это хорошо или плохо?

— Наверно, все же хорошо.

— Когда меня обзывали проклятой, жалость у них мешалась с презрением. Деревня сжигала любую женщину, которую кто-либо называл ведьмой.

— Язвы богов, и ведьм, и веру в тех ведьм. Ребенок без матери и сестра без брата. Вместо одной жизни ты словно прожила уже три. Ты думаешь об этих вещах?

— Зачем? Жизнь есть жизнь, и уже для одного этого столь многое приходится делать. У кого есть время заниматься чем-то еще?

Он останавливает лошадь и смотрит на Соголон долго и пристально.

— Я забуду тебя нескоро, Соголон-без-матери.

Госпожа просыпается с диким зверским аппетитом.

— Неужто целый день? — ошарашенно повторяет она снова и снова, поскольку не может взять в толк, как так она могла проспять два восхода и один закат. А еще, почему эта недо-тепа-негодница ее даже не разбудила. Соголон оставляет госпожу наедине с ее одиночеством и за растерянной проверкой, не обмочилась ли она во сне. Остаток дня она ловит хозяйку на том, как та смотрит в окно, словно пытаюсь найти там канувший день.

На ум идут также бесчисленные чаи, поданные ею в шатер, и которые, оказывается, частенько заваривались не так, как надо. Она случайно выболтала об этом провожатому и только затем спохватилась. Теперь она чувствует жуткое смущение всякий раз, когда ловит на себе его насмешливо-веселый взгляд, или хуже того, слышит смешки.

— Заткнись! — вспыхивает она.

— Да я и слова не вымолвил.

— Я знаю, ты специально меня изводишь!

— Делать это мне уже недолго осталось, — говорит он и забирает их улыбки с собой.

Наперегонки с вечером караван достигает великой стены. Взгляд ожидает увидеть тесаный камень, возможно, даже кирпич, но стена гладка, как глина. Розоватая там, где на нее еще падает солнце, и почти лиловая в местах, где тень. Большие зубчатые башни с прорезями окон; из одного стекает бурая вода. Соголон прикидывает: стена примерно в десять и еще два раза выше стражника, стоящего рядом с ней, а наверху через каждые несколько шагов друг от друга тоже стражники в железных шлемах и с копьями в руках. Караван проезжает к другим воротам, которые при виде провожатого сразу же открываются, видимо, расценивая его приезд как важное дело.

Соголон тоже старается держать голову высоко и надменно, но слишком уж много здесь всякой невидали, которую хочется рассмотреть.

И вот он, долгожданный въезд в Фасиси. Прежде чем она успевает осмыслить то, что видит, Кеме говорит ей, что это местопребывание знати, а не сам город. Чтобы добраться до другого края Фасиси, потребовалось бы полдня. Невидали на этой улице более чем достаточно. Само собой напрашивается сравнение с Конгором: там стены настолько похожи на грязь, что может показаться, будто весь город вырос из пыли. Возможно, потому, что голова Соголон крутится в обе стороны с небывалой быстротой, глаза сначала выбирают только цвета. Пятна белого, красного, лилового, зеленого и синего пестрят на одеждах мужчин и женщин; красноватая грязь кирпичных строений и стен; фиолетовые ткани, струящиеся в руках базарных торговцев на пути у проходящих; зелень травы и деревьев, чьи купы венчают скрытые за стенами дворы; синие стены дальше по дороге, по которой ведет гостей Кеме. *«Спокойно, девочка, спокойно»*, — звучит голос, похожий на Соголон, но она представляет, что эти слова произносит Кеме. Он уже ушел вперед, не очень далеко, но достаточно, чтобы в городе слышали: посланец вернулся.

Сначала она оглядывает небо, а под ним город, окутывающий эту величественную гору подобием неимоверного подола. Выше, на склоне, судя по всему, дворец, но он так высок, что отсюда различимы только очертания и огни. Улица впереди широка настолько, что запросто разъедутся хоть три караванных шатра, едущие встречно. Опять кирпич, всюду кирпич, весь кирпич мира для одной лишь дороги. Стайки мальчиков в белых юбках, шароварах и накидках; группы мужчин с золочеными щитами, мечами и копьями, а на головах уборы с мягким колыханием перьев. Каждый мужчина носит бороду, а некоторые усы, которые и того длиннее. Соголон проходит мимо уставившейся на нее маленькой девчушки в коричневой козлиной шкуре и целой башне из бус на шее. Вон еще три женщины, все в белом, и у всех волосы густые и пышные, как подушки на плечах.

Еще две несут блестящие тыквы с кожаными ремешками в качестве сумок, а у одной через плечо повязан большой

оранжевый кушак, в котором лежит ребенок. Вот они какие, женщины Фасиси. Соголон ничего о них не знает. Женщины перешептываются и смеются поверх городского шума, который она до этого и не замечала. Крики, хохот, пересуды, ругань, взывания, молитвы. Кто-то требует вернуть деньги: «Ах ты плут, рассчитываешься за приданое, думая всучить мне моего же козла!», «Ну и иди, иди сейчас к своей сварливой жене!», «А вот я лучше не пойду и выпью еще пива!», и «Это не тот, о ком я думаю, с той-то разудалой кумушкой?», и «Да, я сам слышал, ее призвали обратно ко двору». И другие вольные разговоры, и раздраженные возгласы, и пьяное стихоплетство — на него Соголон некстати отвлеклась и чуть не пропустила еще много интересного. Она даже приостанавливается, чуть ли не понукая свою лошадь тоже посмотреть на женщин: дескать, позвольте познакомиться.

Фасиси не думает спать, как и Соголон. Дома здесь выше, чем большинство домов в Конгоре, хотя в них и меньше этажей, потому что на горе, как бы высоко вы ни поднимались, есть часть, что расположена сверху. Район знати, по словам Кеме, который весьма отличается от остального Фасиси — этого он не говорит, но она догадывается. Если это квартал знати, то можно себе представить, кто будет жить выше. С того места, где они находятся, единственно, что видит глаз, это стены, подобные той, через которую они проехали. «*Дворец, двор, король*» — все эти слова ей известны, но они плохо укладываются в голове. Хозяин и хозяйка — единственные дворяне, которые ей знакомы. Но вот они с госпожой здесь и уже на подходе.

Наконец-то высовывает в окошко голову хозяйка. Соголон притормаживает лошадь. Она ждет, что ей скажут, приказ или проклятие, но хозяйка не произносит ничего. Губы ее приоткрываются да так и замирают, а глаза едва заметно помаргивают. На улице слишком шумно, и ее вздох не достигает слуха. Стена, что впереди, выглядит непрístupной. Вряд ли дворец, потому что внутри скрываются всего три башни с дымоотводами в крыше, похожими на соски. Соголон непроизвольно хихикает. Кеме косится, будто собираясь задать вопрос, но ничего не говорит. До стен дворца уже рукой подать. Кеме натягивает поводья, и все следуют за ним. Еще одна синяя от сумрака

улица, окруженная стенами, дверями и окнами, часть которых сейчас закрывают изнутри.

Они минуют здания, величественные как дворцы, с каменными арками, ступенями, куполообразными крышами, в некоторых из которых восходят по ступеням люди в синих одеждах, чинно опустив головы. «Монахи», — вспоминает она слова о них в публичном доме. А здесь совсем наоборот, это дом для поклонения всемогущим богам. Провожатый сворачивает на другую улицу, более узкую, чем когда-либо. Семикрылы, ехавшие рядом с караваном, отступают назад. Мимо протискиваются две женщины с корзинами на головах, а один мужчина ныряет в дверной проход. Соголон держится рядом с Кеме, но глаза у нее прикованы к этим домам с обеих сторон, все с балконами и висячими садами — две вещи, для которых у нее просто нет слов. А с балконов мужчины, женщины и дети возбужденно кричат на лошадей.

Процессию останавливает какая-то суэта на перекрестке. Стремительный цокот копыт, с дороги отпрыгивают двое праздных зевак. Мимо проносятся две колесницы, в каждой по два седока: один стоит и щелкает над лошадьми кнутом, второй сидит и рассматривает что-то у себя в руках. Оба мужчины в белых одеяниях, скрепленных пряжкой на одном плече. Вся эта суматоха привлекает к окну хозяйку.

— Остановись. Стой, кому говорят! — командует она дважды, прежде чем близнец слышит. — Соголон. Соголон!

Та спешивается и спешит к своей госпоже.

— Скверная девчонка, ты не слышала, что я тебя звала?

— Мне пришлось спешиться, чтобы к вам подойти, госпожа.

— Еще бы ты не спешила. Эта улица такая узкая, что пролезет только женщина без груди, язвы ее. Почему эта улица, и что всё это значит? Отвечай скорее.

— Госпожа, я не знаю, о чем вы.

— Если я глупа, то я глупа. Но даже мои глупые глаза ясно видят, что это не королевский квартал. Мы прибыли в Фасиси?

— Да, госпожа.

— Тогда что это за место?

— Фасиси, госпожа...

— Девчонка, не заставляй меня обрушиваться на тебя громами среди ясного неба. Ты знаешь, как уже долго меня ждут

при дворе? Клянусь, я спущу шкуру со всех вас, если вы заставите меня опоздать. Скоро уже ночь на дворе.

— Я спрошу у Кеме, госпожа.

— Кеме? Да сосать вам вымя бесплодной коровы! Кто такой Кеме?

— Наш провожатый.

— Ах провожатый. Так вот, для того провожатого у тебя не должно быть никакого другого названия, кроме как *про-во-жа-тый*. Я ясно выражаюсь?

— Ой.

— «Ой» — это верно. Это правильно. Твои дни с мисс Азорой давно миновали, девочка.

— Я не...

— Я не задавала тебе никаких вопросов; зачем ты мне отвечаешь? Голова того провожатого такая же ветренная, как у тебя?

— Не знаю, госпожа.

— Ничего, я узнаю сама. Ну-ка посторонись.

Кеме еще лишь пробирается к шатру, а в него уже вонзаются молнии госпожи Комвоно, желающей знать, не провалились ли у него глаза в штаны, а вместо них по бокам от носа остались две отхожие дырки, и что если караван сейчас не рядом с дворцовой оградой Фасиси, то, значит, они совершенно не в том месте.

— Так что это за место? — наконец осведомляется она.

— Углико.

— Какой же это Углико. Вокруг одна торговля.

— Торговая сторона Углико, почтенная.

— Торговая сторона? Так вот что нынче делают деньги — покупают благородство?

— Всё с благословения Короля, почтенная.

— А дальше что, торговаться будут и дворянские звания? Сколько стоит быть священником? Страшно подумать, но кто-то ведь может заплатить и за то, чтобы стать гриотом! В любом случае прошу доставить меня куда-то в другое место.

— Здесь вы останетесь до тех пор, пока венценосец не призовет вас ко двору.

— Что ты мне сказал? Остаться? Даже ступить сюда моими ступнями? Да ты в уме ли?

И дальше, и больше: действительно ли она не ослышалась, что ей, особе благородного происхождения, состоявшей в за-

мужестве с персоной еще более знатной — человеком, чья родословная уходит к великим королям-воителям Северных земель, — предлагается осесть в префектуре Углико, этом гнездилище торговли. «*Тор-гов-ли!*» — негодуяще выкрикивает она так, как иной выкрикивал бы слово «дерьмо». И словно в подтверждение, что она имеет в виду именно это слово, хозяйка продолжает распинаться, как дурно пахнет торговая префектура, и как извечно пахнут торговцы, и как болезнетворно этот запах скажется на ней, если она останется здесь хотя бы на ночь, и как бы следовало поступить со всем этим рассадником, пес его побери. Как будто не она, помнится, обожала считать и пересчитывать в разговорах деньги, свои и чужие. Провожатый выслушивает эту тираду с терпеливым спокойствием.

— Госпожа Комвоно. Все, кто имеет счастье лицезреть Короля; все, кто удостоивается чести быть приглашенными ко двору, будь то дворянин, селянин, семья или домашнее животное, должны пройти через Дом уведомлений, где их проверят, прежде чем дать разрешение находиться в ближних пределах королевской резиденции.

— Но я не...

— Не глухая, я знаю. Вот почему мне не нужно повторять эти слова. Я уверен, что вы считаете безопасность нашего Короля, Королевы и принцев первостепенной по значимости. Или, может, нет?

— Что?

У Соголон чуть не вырывается: «*Не чтокай!*»

— Конечно, да! Да хранят боги нашего Короля и принцев во все века.

— А Королеву?

— Бессмертные боги! Разумеется, и ее тоже, хотя в этом есть что-то новое.

— Не совсем так, моя почтенная. Это началось в тот месяц, когда вы были... вы покинули двор. Мудростью его превосходительства канцлера. Госпожа, нам пора двигаться. Углико с наступлением темноты совсем другое место.

— Что ж это за место? Надеюсь, не совсем уж безвестное?

Провожатый кивает и возвращается на свое место впереди. Соголон думает за ним последовать, но ее останавливает хозяйка:

— Куда? Я тебе задам!